

ТАТЬЯНА АБАЛОВА

НУ, ЗДРАВСТВУЙ,
ЖЕНА!

16+

Татьяна Абалова
Ну, здравствуй, жена!
Серия «Хроники Агрида», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67420023

SelfPub; 2022

Аннотация

Природа щедро одарила лорда Ханнора и статью, и умом, и способностью творить редкие заклинания, но произошедшее несколько десятилетий назад событие низвело его до положения изгоя, запертого в родовом замке. Он стал тем, кому ни одно знатное семейство Агрида не отдаст в жены дочь, а потому никогда у него не будет первенца. Вместе с Изегером умрет и магия рода Рвущих Пространство. А все из-за пропавшего амулета, без которого заключение брака невозможно. И вот когда надежда почти иссякла, когда на исходе оказались зерна, продлевающие жизнь, случилось невообразимое – амулет вернулся... на шею незнакомки, которая теперь по законам Агрида считается Изегеру женой.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Турецкие каникулы	16
Глава 2. Мертвецу амулет не нужен	29
Глава 3. Проклятый кремвиль	38
Глава 4. Метания	49
Глава 5. Бред	57
Глава 6. Вдохновляющий совет мертвой бабушки	69
Глава 7. Незванная гостья	80
Глава 8. Дневник героя	90
Глава 9. Убить, чтобы выжить	101
Глава 10. Камень на сердце Магистра	112
Глава 11. Банный день	124
Глава 12. Тайна прадедовского гульфика	135
Глава 13. Такое разное утро	145
Глава 14. Шопинг	156
Глава 15. Прозрение через боль	168
Конец ознакомительного фрагмента.	172

Татьяна Абалова

Ну, здравствуй, жена!

Пролог

Как часто, не повинуюсь отцовскому желанию, мы бунтуем и бежим прочь, гонимые ветром странствий. Но дороги, как бы не петляли, рано или поздно приводят нас назад. Оказавшись у родного порога, оставив свое измученное сердце где-то в иных мирах, прислушайтесь, может быть, чужое бьется за двоих.

Над горным хребтом медленно поднималось красное светило. Его лучи лениво ползли по камням, разгоняя тьму и превращая седую изморось, все чаще появляющуюся на жухлой траве, в искрящуюся росу.

Осенний ветер, не в пример небесному брату, носился по ущельям, рвал в клочья туман и теребил стяги на шпилях башен неприступной крепости, не одну сотню лет стерегущей путь в благословенный Агрид.

Горы, а вместе с ними и замок, просыпались.

В открытое окно доносились щебет птиц, крики пастухов, гонящих отару к реке, конское ржание, цокот копыт по мосту, который со скрежетом опускали для отряда, возвращающегося из ночного дозора.

Хозяин замка лорд Изегер Ханнор лежал на просторном ложе, положив руки под голову, и не мигая смотрел на перекрещивающиеся балки потолка. Но не рисунок на почерневшем дереве, и тем более не паутина, легкой вуалью взлетающая под порывами ветра, привлекали его взгляд. Мужчина размышлял. О прошлом, так зло посмеявшемся над ним, о будущем, которое могло оказаться еще злее.

Изегер был одним из богатейших людей в Агриде – мире, где владеющие магией составляли особую касту и смотрели свысока на обделенных даром. Природа щедро одарила лорда Ханнора и статью, и умом, и способностью творить редкие заклинания, но произошедшее несколько десятков лет назад событие низвело его до положения изгоя, запертого в родовом замке. Он стал тем, кому ни одно знатное семейство не отдаст в жены дочь, поэтому у него никогда не будет первенца, которому он смог бы передать свои знания. Вместе с Изегером умрет и магия древнего рода.

А все из-за пропавшего родового артефакта, в миниатюре повторяющего герб Ханноров – перекрещенные руки, запястья которых обвивает змея.

Без строна заключение брака невозможно, ведь амулет – хранитель магии. Его надевают на шею новорожденного, чтобы тот с детства впитывал знания предков. При совершении брачного обряда строн переходит от жениха к невесте, которая познает магию новой семьи и пополняет амулет магией своего рода, но носит она его лишь до тех пор, пока не

родит сына. И тогда амулет занимает место на шейке новорожденного. Знания копятя, сила магов крепчает. И однажды могущественный род может сделаться королевским. Но стоит прервать связь поколений, потеряв строн, и древний род прекратит свое существование. Вот с какой бедой столкнулся лорд Ханнор – последний из магов Рвущих Пространство.

Изегер вздохнул.

Из-под простыни показалась женская рука, которая змеей скользнула по его груди и замерла у плеча.

– Эрди, тебе пора, – продолжая смотреть в потолок, мужчина мягко убрал руку.

– Милорд, можно, как стемнеет, я опять приду? – с кровати поднялась, отбрасывая простыню, светловолосая девушка. Ее растрепавшаяся коса и тело со следами поцелуев яснее ясного говорили о страстной ночи в объятиях хозяина.

Эрдис медленно, оттягивая момент расставания, собрала с пола вещи, и, не одеваясь, направилась к двери. У порога она обернулась, надеясь, что лорд провожает ее взглядом. Тем самым – горящим, жадным, каким он смотрел на нее в первый раз. Но нет. Лорд Ханнор уже забыл о ее существовании – скрипнула дверь, а он так и не отвел глаз от скрепленных балок.

– Ты женишься на дочери лорда Витро, иначе...

– Что иначе? – юный Изегер, которому только вчера исполнилось шестнадцать, зло смотрел на отца. – Свяжешь меня и заставишь произнести слова брачного обета? Да я луч-

ше рот себе зашью, но не скажу этой старухе, что беру ее в жены.

– Дайте всего лишь двадцать пять лет. Лорд Витро дает за ней такое приданное, о каком мечтает каждое знатное семейство Агрида. Венец, усиливающий магию, меч непобедимого Гестиха, десять зерен саара...

– Отец, зачем мне зерна саара, если я не представляю, как провести с ней одну ночь? Века рядом с нелюбимой женщиной, похожей на жабу?

– Магия ее рода передастся вашему сыну, и род Ханнор, наконец, будет равен королевскому.

– Вот и женись на ней! – сын упрямо тряхнул смоляными кудрями, доставшимися ему от матери. – Забери себе зерна саара и живи с этой ведьмой долго и счастливо!

– Мальчишка! – звук пощечины разрезал воздух. – Завтра же оденешь строн на шею Дайте!

Дверь с грохотом захлопнулась, отрезая путь на свободу. Изегер в бессилии опустился на пол. Он был еще слишком неопытен, чтобы самостоятельно раздвинуть пространство и покинуть темницу. Злость и обида душили его.

– Мама, – позвал Изегер тень своей матери, умершей при его рождении. – Помоги! Подскажи, что делать?

Она появилась перед ним как всегда безмолвная. Прозрачная рука тронула щеку сына, но не смогла вытереть слезы, которые он не замечал. Слабая улыбка мелькнула на почти стершихся чертах лица. Чем больше проходило времени

со дня смерти, тем бледнее становилась тень. Год-другой и лишь дуновение ветра останется от той, что поддерживала сына даже после перехода в загробный мир.

Изегер закрыл глаза, отдаваясь ласкам матери.

Будь мама жива, она не позволила бы продать сына за десять зерен саара.

Как бы он хотел исчезнуть, раствориться в пелене пространства, чтобы отец понял, что сын и его счастье – вот что главное, а не место рядом с королевским тронем.

Строн обжег кожу.

Изегер приложил руку к амулету и почувствовал, как тот пульсирует. Открыв глаза, юноша закричал от ужаса – тень матери таяла на глазах, а тянущиеся от нее серебристые нити обволакивали строн, заставляя его светиться.

– Не надо, мама! Нет!

Еще мгновение и в воздухе растаяла последняя нить.

– Что же ты наделала, мама?

Она отдала амулету те крупницы магии, что позволяли ей приходить из мира мертвых, в разы увеличив мощь родового артефакта.

Изегер усмехнулся. Он словно наяву увидел, как вытянулись лица его отца и приехавших на свадьбу лорда Витро с дочерью, когда они не нашли юного жениха в запертой комнате. В это время Изегер находился так далеко, что даже венец, усиливающий магию, не позволил бы отцу добраться до него.

Года летели со скоростью штормового ветра. Изегер научился разрывать ткань пространства так же легко, как если бы он резал подтаявшее масло ножом. Он вскрывал мир за миром. Где-то задерживался надолго, откуда-то бежал, не медля ни минуты, но ни разу у него не мелькнула мысль вернуться домой. Ровно до тех пор, пока он не попал в мир, где шла война.

Разрыв пространства и разрыв боевого снаряда случились одновременно, и контуженого мага отбросило в лужу, где уже лежал мертвый солдат.

Ночью на поле боя появились мародеры, и полумертвый Изегер лишился ботинок, куртки и штанов, которые приглянулись местным крестьянам. Они, стоя над ним, долго дивились, до чего хорошо научились шить лягушатники – одежда казалась не изнашиваемой.

Изегер помнил, как взрывалась болью голова, когда его вместе с ранеными русскими солдатами везли на разбитой телеге в лазарет, где воинов выхаживали барышни из дворянок, в патриотическом порыве ставшие сестрами милосердия. Белый фартук с красным крестом на груди, длинная козырька, низко надвинутая на лоб, взгляд, полный сострадания. Верочка Ртищева не отходила от него ни на шаг, ласково называя Изей. Мягкие белокурые локоны, добрые, неожиданно темные, как летняя ночь, глаза и пухлые губы, которые она облизывала в минуты волнения – все Изегеру казалось необычным в этой чистой, немного наивной девушке.

Неудивительно, что между ними вспыхнула любовь. Контужия пришлась как нельзя кстати – Изя мог сослаться на частично потерянную память, чтобы не выдумывать нелепицы о своем происхождении. Для нового мира Изя оказался кладом всякой премудрости, все в его руках горело и спорилось, и через год он сделал на своих изобретениях состояние, а потому был принят и обласкан вдовой Ртищевой. Евдокия Кирилловна благословила молодых на брак.

В феврале семнадцатого года они сыграли свадьбу, где жених помимо приобретенного у придворного ювелира Кехли бриллиантового кольца, подарил невесте единственную вещь, что всегда была при нем – кулон в виде двух скрещенных рук, овитых змеей. Сделал это Изя торжественно, надев украшение на обнаженную невесту, лежащую на брачном ложе. Невеста тут же потеряла сознание.

Карета скорой помощи увезла Верочку в земскую больницу. Ее вызвалась сопровождать Евдокия Кирилловна. Больше жену Изегера никогда не видел. За ним, разрывая пространство, явился отец и применив самое сильное заклинание повиновения, вернул сына в Агрид.

На следующее же утро Изегера, находящегося в прострации, вывели к невесте. Девица Дэйте Витро, которой уже стукнуло тридцать два года, подпрыгивала от нетерпения, предвкушая, как окажется в объятиях статного красавца, каким стал Изегер за время своего отсутствия. Но когда пришла пора одеть на шею новоиспеченной невесты строн, его

при Изегере не обнаружили. Мало того, маг пришел в себя и вспомнил, что он уже женат и подарил амулет своей избраннице из далекой России.

В этом месте воспоминаний Изегер нуждался в выпивке. Он резко встал с ложа и, не накидывая халат на нагое тело, выглянул в коридор, где у двери всегда дежурила охрана.

– Пришлите слугу с кремвилем.

Напиток, обжигающий горло, очень быстро затуманил мозг, и Изегеру стало не так больно вспоминать то, что произошло после того, как он, разрывая пространства, вернулся в Россию.

Если бы на нем был строн, он добрался бы гораздо быстрее, а так у дома Ртищевых Изя оказался лишь в декабре восемнадцатого года и застал там с десятков новых жильцов с кричащими младенцами, которые заподозрили в нем царского офицера и пригрозились сдать в ВЧК. Пришлось применить магию и провалиться сквозь пол. Так он очутился в подвале у дворника Латыпова, который вспомнил и барышню Ртищеву, и ее маман.

– Значится так. Когда жених Веры утек, а власть захватили голоштанники, Ртищевы начали потихоньку распродавать пожитки. А однажды ночью к подъезду подкатила бричка, и больше хозяйку и ее дочь никто не видел. Ходили слухи, что они подались до Парижу, а Кузьма с соседнего околотка клянется, что видел их в Одессе на Привозе, торгующими требухой.

Изя перевернул всю Одессу, Париж и Константинополь, но след Ртищевых затерялся. Как безумный рвал он подпространства, перебираясь из города в город, пока в одном из портов Средиземного моря к нему в гостиничный номер не пришел отец.

– Изегер, прости меня, – он сел на стул, с сомнением посмотрев на его хлипкие ножки. Изя расположился на узкой кровати, где листал газеты, которые скупал в каждом городе в надежде через них напасть на след женщин. Он так сосредоточился на чтении, что почти равнодушно отнесся к неожиданному появлению отца. – Это я виноват, что наш род остался без страна.

– Я найду Веру и верну тебе родовой амулет. Он мне не нужен. Я останусь в этом мире, – Изегер ни на минуту не оторвался от чтения. Он лихорадочно переворачивал страницы, по большей части останавливаясь на объявлениях, где мелькали русские фамилии.

– Сын, оставь газеты, – отец положил ладонь на руку Изегера. – Я никогда не говорил тебе, но строн имеет одну особенность. Его можно призвать.

Изя резко поднял голову.

– Да, его можно призвать, и он притащит с собой ту, на чьей шее висит. Твоя мать как-то пыталась от меня сбежать. Я не был ей верен, и она не захотела смириться. Касси уже носила тебя под сердцем, поэтому не сняла амулет. Вернув твою мать, я попытался сделать ее счастливой, но Касси от-

казалась жить. Родив тебя, она покинула наш мир.

Изегер и сейчас помнил, как его шокировали признания отца, но возможность вновь увидеть Веру отодвинула все терзания на задний план.

– Что я должен сделать?

– Приказать. Ты должен приказать строну вернуться. Закрой глаза, представь амулет до мелочей. Как перекрещены руки, на каком запястье лежит змеиная голова. Если не помнишь, подсказываю – на женском. Ты видишь, как вспыхивают камни на змеином теле? Услышь сердцебиение и заставь камни мерцать в том же ритме. Получается?

– Да.

– Теперь приказывай.

– Вернись.

– Громче.

– Вернись!

Изегер открыл глаза, но кроме отца в комнате никого не было, хотя ему показалось, что он почувствовал движение воздуха.

– Сын, я сожалею. Скорее всего, ее нет в живых. Сила заклятия столь велика, что будь твоя жена хоть полумертвая, она оказалась бы здесь.

– Я тебе не верю! – глаза сына потемнели, стали почти черными.

– Ты же знаешь, как для меня важно, чтобы строн вернулся. Без него ты никто. Маг без будущего.

Изегер тряхнул бутылку, в которой почти не осталось кремвия. Отчего же так больно? Напиток из сушеных ягод с острова Безумных магов всегда справлялся с воспоминаниями, отупляя до равнодушия.

– Принесите еще бутылку.

Он глотал прямо из горлышка. Зеленые струйки текли по подбородку, намочили грудь, но Изегер глотал и глотал, лишь бы унять боль, которая мучает его до сих пор.

Он не поверил словам отца и еще долгих тридцать лет искал пропавших женщин. Измученный и отчаявшийся, он вернулся в Агрид, где застал старого лорда Ханнора при смерти.

– Сын, я сохранил для тебя зерна саара, – на ладонь Изегера упали три зерна, похожих на яйца мелкой птахи. – Ты должен дожить до того момента, когда твой строн вернется. Пусть пройдут века, но его найдут. Амулет невозможно ни сломать, ни расплавить, поэтому рано или поздно он окажется у какой-нибудь женщины, которая наденет его на шею. Строн притащит ее к тебе, выполнив давний приказ. Для заклятия призыва нет срока давности.

– А если это будет мужчина? – Изегер покатал зерна на ладони. Такие маленькие, а продлевают жизнь на десятилетия. – Или ребенок?

– Амулет на них не среагирует. Только на женщину. Он поймает ее сердцебиение и сработает.

Изегер закашлялся, глотнув слишком много. Подошел к

окну, подставил лицо холодному ветру, тряхнул головой, отбрасывая длинные волосы за плечи.

Зерна саара позволили жить долго, а ежедневные занятия с оружием, вылазки в стан врагов Агрида оставили тело подтянутым, ловким. Ему нельзя стареть. Почти семьдесят лет Изегер ждет возвращения своего строна. И неважно, кого притащит амулет – женщину, девушку или старуху. Лорд, не задумываясь, разберется с любой преградой, вставшей на его пути. Обретя амулет, он женится и у него обязательно родится наследник. И тогда род Ханноров – магов, разрывающих пространство, продолжится.

Изегер отшвырнул пустую бутылку. Она разбилась о каменный пол на тысячу мелких осколков. Солнечные лучи, прикоснувшись к ним, отразились снопом зеленых искр.

«Совсем как глаза у змейки на амулете» – подумал он.

За спиной кто-то громко вскрикнул.

Мужчина медленно обернулся. На него смотрели широко раскрытые глаза незнакомки, на шее которой висел его строн. Изегер забыл, что он обнажен. Развернувшись всем телом, осклабился в хищной улыбке и произнес:

– Ну, здравствуй, жена.

Глава 1. Турецкие каникулы

– Юлька, какая ты счастливая! – мама сидела на кровати и, вытянув руки, рассматривала платье, которое ее дочери подарил жених. – Цвет изумительный и так подходит твоим глазам. Ты его наденешь, когда пойдешь знакомиться с родителями Арслана?

– Не знаю, – Юля нахмурила лоб. Мамин энтузиазм раздражал. Немного помедлив, новоявленная невеста все-таки сунула в полиэтиленовый пакет комплект кружевного белья и уложила в чемодан рядом с босоножками на высоком каблуке. – Боюсь, в нем будет жарко.

– Зато не мнется, – Ираида, крашенная блондинка неполных сорока лет, такая же миниатюрная как ее дочь, вытащила из чемодана белую юбку и встряхнула ее. – Смотри, словно в заднице побывала.

– Мам, сейчас все ходят в мятом. Особенно в городе, где полно туристов. Никто глажкой не парится.

– Юль, на пляже даже голые загорают, но в гости в мусульманскую семью лучше поприличнее одеться. Не зря же Арслан принес тебе именно это платье.

Юля наклонила голову к плечу и прищурилась. Зеленый шелк под солнечными лучами, проникающими через окно, выглядел богато. Рядом с ним белая юбка казалась тряпкой.

«Но она такая прохладная...»

Юлию смущал ворот-стойка, который благодаря молнии, идущей по спине от самого копчика, плотно обхватывал шею. Рукавов не было, а простой крой делал платье элегантным, намекающим на стиль шестидесятых, когда на подиум выходили девочки, похожие на Твигги и Одри Хепберн. Тонкие, плоскогрудые, невысокого роста.

Впервые примеряя подаренное платье, Юля заметила, что достаточно ей надеть черные перчатки по локоть, взять в руки длинную сигарету с мундштуком, и она станет вылитая Холли из культового фильма «Завтрак у Тиффани». Гладко зачесанные темные волосы, собранные в высокий конский хвост, ухоженные брови, подведенные глаза и бледная губная помада, гармонирующая с матовой кожей, делали Юлию как никогда похожей на хрупкую кинозвезду. Это заметил и Арслан, когда она, немного смущаясь, вышла к нему в новом наряде.

Жених ее баловал. Поначалу Юля даже думала, что для него, взрослого мужчины, она – игрушка, которой приятно дарить дорогие вещи, вдевать в уши серьги с крупными жемчужинами, сев на корточки, застегивать ремешки на босоножках, что так плотно обхватывали щиколотки, и потом целовать в острое колено. В этот момент Юля густо покраснела и закрывала от смущения глаза, но дергать ногой и шептать «я сама» казалось еще более неловким.

Юлию с Арсланом познакомил отчим. Подспудно Юлия чувствовала, что Виталий, который был младше матери на

целых пять лет, спихивал падчерицу, чтобы самому не заморачиваться воспитанием «дочери», тем более сейчас, когда Ираида ждала ребенка.

Юля мешала им, хотя мама успокаивала: «Ну что ты, милая! Места всем хватит!», но она забывала, что дочь далеко не глупа и видит, как у родительницы стекленеет взгляд, стоит Виталию «по-родственному» обнять ее взрослую девочку, шутя отпустить комплимент или погрозиться, что когда-нибудь всыплет ремня, если та не будет слушаться.

А однажды слышала, как мама разговаривала с подругой. Юлька замерла у двери не специально, а лишь для того, чтобы достать ключи.

«Софа, я уже дважды была замужем! И всякий раз ссоры, слезы, расставание. И вот, наконец, Виталий, который во всем меня устраивает. А тут дочь девятнадцати лет. А ну как бес в ребро? Сколько таких случаев? Мамка стареет, а дочка в самом соку. Вуди Алена вспомни. Старую жену подвинул, а на приемной дочери женился. Вот и я о том же».

Юля ушла, так и не вытащив из рюкзака ключи. Сидела на улице до темноты. Плакала, жалела себя, вспоминая, как трудно ей жилось в последнее время. Стало невыносимо зарываться под подушку и одеяло, лишь бы не слышать, как скрипит в спальне кровать, неожиданно заставить «родителей» за этим делом на диване, когда притащилась из института раньше положенного, слышать, как они смеются в ван-

ной комнате, а потом включают воду, чтобы заглушить стоны и торопливый шепот... Приходилось врубать музыку на полную мощь, и «родители» наверняка понимали, отчего вдруг ей захотелось оглохнуть. Мама прятала глаза и смущенно улыбалась, Виталий же, наоборот, словно поддразнивал, не вовремя расстегивая блузку жены и целуя оголившееся плечо.

С этим нужно было что-то делать. Это понимали и Юля, и ее мама.

Родственников, которые могли бы приютить, не нашлось, в студенческом общежитии места предоставляли только иногородним, а подруги... Что же, они были, и Юля иногда гостила у них, но... У всех своя жизнь. Поэтому предложение руки и сердца турецкого бизнесмена и старинного друга отчима хоть и ошеломило неожиданностью, стало тем выходом, который искали и нашли «родители».

Как-то вечером, когда мать с дочерью остались на кухне одни, состоялся разговор, который окончательно лишил Юлю выбора.

– Мама, а если снять мне небольшую квартиру? – она заглянула в глаза Ираиды, зная, что Виталий может позволить себе такие траты. Дела в компании шли неплохо, и недавно он купил новую машину, объясняя покупку как раз тем, что семья растет, и в прежнем седане им было бы тесно. – Я согласна даже на комнату в коммуналке...

– Юля, перестань! – взгляд матери потемнел. Она поло-

жила руку на едва заметный живот, словно защищая того, кто еще не родился. – Я не могу его просить тратить на чужого ребенка. И потом, ты же знаешь, Виталий вложил все средства в их общий с Арсланом бизнес. Ему даже пришлось квартиру на Метлицкой продать.

– А если я переvedусь на вечерний и поищу работу? Мам, я справлюсь...

– Нет! Ты уйдешь отсюда только под руку со стоящим мужчиной. Знаю я, что происходит с девочками, которые остаются без надзора.

Ираида действительно знала, иначе не родила бы Юльку в восемнадцать. Три месяца опьяняющей любви и жестокое пробуждение. Однажды будущий отец, оставив прощальный подарок – кольцо с драгоценным камнем, исчез. Кольцо, которое оказалось уникальным, а потому баснословно дорогим, Ираида выгодно продала и купила ту квартиру, в которой теперь они жили. Хотя что-то осталось от сбежавшего папаши.

– Мам...

– Не зли меня. Мне нельзя нервничать.

И опять это защищающее движение ладони по животу.

– Ты пойми, так будет лучше для всех. И для тебя в первую очередь. Да, он гражданин другой страны и принадлежит к другой вере, но все можно уладить, – настаивала Ираида, по сжатым губам видя, что дочь едва сдерживается, чтобы не расплакаться. – На время твоей учебы он снимет квартиру,

о которой ты так мечтаешь. И работать не надо, будешь за мужем ухаживать.

– Да, конечно, мама. Так будет лучше, – вдруг согласилась Юля. – Не век же ему в гостинице жить. Можно совместить приятное с полезным: вот тебе квартира, юная жена и бесплатный секс. И вам хорошо: пристроили дурочку, от которой пользы нет. Пусть хоть здесь общему бизнесу послужит...

Ираида хлестко ударила дочь по лицу.

– Дрянь! Только попробуй что-нибудь учудить. Я не дам тебе разрушить будущее моего ребенка!

– Мама, – дочь держалась за горящую огнем щеку. Крупные слезы оставляли след на темной футболке. – Я тоже твой ребенок...

– Вот именно, – она тяжело поднялась. – Поэтому поступлю так, как считаю нужным. В конце концов, ты всего лишь едешь знакомиться с его родителями. Еще не факт, что они тебя такую строптивую примут. Нечего раньше времени в позу вставать.

Вечером маму увезли в больницу. Угроза выкидыша. Юлия чувствовала себя чуть ли не убийцей.

«Любовь? А что такое любовь?» – думала она, замерев перед стоящим на коленях мужчиной. Арслан уперся горячим лбом в ее живот, шепча, что полюбил с первого взгляда и не представляет без нее жизни. Юля до сих пор помнит, как его влажные от волнения ладони обхватили ее талию, а потом

спустились ниже. Их след она ощущала очень долго. И он не смывался, сколько бы не стояла под душем.

Появилось чувство, что ее просто-напросто продали. Или использовали в качестве вклада одной из сторон в уставной фонд.

– Моя прабабушка была русской. Ты не знала?

В аэропорту их ждала машина.

Южное солнце испепеляло. Капельки пота блестели на лбу Арслана стеклянными бусинами, и он нервно промокал их кипенно-белым платком.

– Нет, – голос дрожал, и Юлия боялась, что вот прямо сейчас расплчется. Она почти не слышала жениха, все мысли крутились вокруг предстоящей встречи с будущими родственниками.

«Понравлюсь или нет?»

Хорошо бы, если бы не понравилась. Тогда она вернется со спокойной душой. Пусть мама разозлится, пусть кинет презрительное «неудачница» и успокоится лишь тогда, когда доведет до слез. И себя, и ее.

Но появится шанс, что Юле разрешат уйти из дома.

«Заочное обучение – тоже отличный выход. Живут же как-то девушки, приехавшие из другого города или даже из деревни. И я смогу. Хоть бы не понравилась, хоть бы не понравилась...»

– Джаным, не переживай, – Арслан успокаивающее по-

хлопал ее по колену. – Мои родители встретят тебя как родную. Мама будет счастлива, что в нашу семью опять войдет русская. Она помнит свою бабушку. Говорит, та в молодости была красивой. И доброй. Иначе дед не влюбился бы в нее и не привел в дом. Им всем в ту пору было тяжело. Он вдовец с тремя детьми, Вера-ханым без денег, слабая, только что переболела тифом...

– В тебе течет русская кровь? – Юля с сомнением посмотрела на смуглого темноглазого жениха. Волосы иссиня-черные, черты лица типично восточные.

– Нет. Вера-ханым так и не родила. Все время болела. Дом встретил прохладой и пустотой.

Арслан занес чемоданы и, подхватив Юлькин, пошел по широкой лестнице на второй этаж.

– А где родители? – Юля растеряно топталась в огромном холле.

– Они все приедут вечером. Решили дать нам возможность отдохнуть. Ступай за мной, я покажу тебе комнату.

– Ты живешь здесь один?

– Ну, не совсем. Иногда приезжает младший брат, – Арслан поставил чемодан у двери и опять вытер лоб. – Когда родители его допекут. А вообще это дом той самой русской прабабушки.

Комната оказалась просторной. Большая кровать, плательный шкаф, столик с зеркалом. Все белое. Даже ковер на полу. Едва слышно шипел кондиционер.

После уличной жары по телу Юли пошел озноб. Или это близость Арслана так на нее действовала?

Юлия думала, что в доме будет много людей, а оказалась с женихом наедине.

Он почувствовал ее страх, ободряюще улыбнулся.

– Располагайся. Я зайду через пару часов, помогу тебе подготовиться.

– Я сама...

– Я помогу, – настойчиво повторил он. – Мне есть чем тебя удивить.

Удивил. Надел на палец кольцо с бриллиантом.

– Оно старинное. Принадлежало той самой Вере-ханым. Мама сказала тебе отдать.

– А вдруг я ей не понравлюсь? – Юля попыталась снять кольцо. Не нужны ей подарки, она все еще надеялась, что не придется ко двору.

Жених остановил.

– Ты нравишься мне, джаным. Это главное.

Арслан обошел девушку по кругу, осмотрел как село зеленое платье, цокнул языком от удовольствия.

Юля засмушалась. Сжалась, когда почувствовала руку жениха на спине.

– Молнию не до конца застегнула, – сказал он. Теплые пальцы дотронулись до шеи. Ворот платья плотно обхватил горло. – Сюда бы хорошо подошло еще одно прабабушкино украшение, но...

Перед Юлей появилась шкатулка, в которой поблескивали драгоценности. В них однозначно угадывалось время. Потянув за цепочку, Арслан извлек довольно крупный кулон – то ли из белого золота, то ли платиновый: запястья двух скрещенных рук обвивала змея.

В свете настольной лампы ее чешуя ярко блеснула изумрудами.

Юля перестала дышать. Она еще никогда не видела столь искусно выполненного изделия.

– Такие украшения должно быть носили короли...

– Или королевы, – поправил Арслан. – Но...

– Но я не королева...

Жених поморщился.

– Джаным, ты королева. Только сама не понимаешь этого, – Арслан немного помялся. Кулон качнулся на длинной цепочке. Змея, чья плоская голова лежала на женской руке, хищно сверкнула глазом. – Но это украшение... как бы помягче сказать... какое-то странное. Мама говорит, оно ненавидит женщин.

– Как это?

– Никто из моих родственников женского пола не смог взять его в руки. Ни бабушка, ни мама, ни кузины... Дед рассказывал, что его нашли после смерти Веры-ханым. Она, видимо, очень дорожила кулоном, потому что никогда и никому его не показывала.

– Он бьет током? – наивно спросила Юля. А что еще могло

случиться?

– Нет. Мама говорит, стоит его взять в руки, как накатывает дикий страх. Я сам проверил действие кулона на младшей сестре.

– И что?

– Завизжала и бросила. Я потом, когда хотел напугать Камиллу, бегал с ним за ней по дому. Маленький был, глупый. Отец потом ругал.

Кулон вернулся в шкатулку.

– Давай помогу застегнуть босоножки?

– Нет, Арслан, спасибо. Я еще не надела чулки.

Ирайда напутствовала, что чулки должны быть обязательно. Так положено в светском обществе. Голые ноги – моветон.

– Давай помогу надеть чулки? – голос жениха вкрадчивый, уголки узких губ поднялись в улыбке. – Джаным, ну чего ты так побледнела? Я пошутил.

Последовал поцелуй в щеку. Юля напряглась, стала деревянной.

На ее счастье (или несчастье, она уже не могла понять) внизу, во дворе, послышался шум. Хлопали автомобильные двери. Арслан выглянул в окно.

– Сестра с семьей приехала. Пойду встречу. Спускайся сразу, как наденешь чулки.

Юля села на пуфик. Выдохнула. Потянулась за приготовленной коробкой с чулками и нечаянно задела шкатулку. За-

шелестела цепочка, проваливаясь между другими старинными украшениями.

«Удивительно, как русская эмигрантка сумела сберечь кулон! Видимо, он действительно был ей дорог, раз она не продала его, хотя сильно нуждалась в деньгах».

Раскрыв коробку, Юля вытащила дымчатые чулки. Тонкие с красивой резинкой.

Вспомнив, что все-таки надела тот кружевной комплект, поругала себя. Наверняка Арслан видел бюстгальтер, когда застегивал платье.

«Еще подумает, что я специально оставила молнию не застёгнутой, чтобы соблазнить его. Дура. Надо было надеть спортивное белье».

Уже натянув один чулок, Юля прислушалась. Цепочка от странного кулона опять напомнила о себе, стукнувшись о деревянное дно шкатулки.

«Живая она, что ли?»

– И чего они боятся? – спросила Юлия у самой себя, осторожно вытаскивая украшение. Никакого накатывающего ужаса. Никакого удара током.

Цепочка потянулась легко, словно только и ждала, чтобы ее извлекли на свет. Кулон ослепил искрами зеленого цвета. А как еще объяснить иллюзию, когда змейка, скользя по запястьям, перенесла голову с женской руки на мужскую?

– Точно показалось, – улыбнулась Юлия своему отражению в зеркале. Кулон на фоне зеленого платья смотрелся

невероятно.

– Обалдеть! – «невеста» не удержалась и накинула цепь на шею. Поправила конский хвост, чтобы тот не запутался в витиеватом узоре, и разместив кулон по центру груди, прижала к нему ладонь.

«Он что, нагрелся?»

Сердце испуганно забилося.

В голове вдруг появился шум, словно далекие волны бились о берег. Не веря своим ушам, Юлия открыла окно.

«Ну конечно, где-то рядом море!» – находя оправдание своим страхам, она вдохнула теплый влажный воздух. Курортный город тонул в сумерках. Зажглись рекламные огни, слышался смех.

«До чего же тесен этот воротник!» – Юля раздраженно засунула палец под ткань, оттянула ее.

Не помогло. Стало трудно дышать.

В панике Юлия рванула молнию и обожгла руку о цепь.

Опустила взгляд на кулон. Изумрудная змея зашипела и, приподнявшись, расправила капюшон.

– Ой, мамочки! – закричала «невеста» и... оказалась в незнакомой комнате.

На ее крик обернулся обнаженный мужчина.

– Ну, здравствуй, жена...

Глава 2. Мертвецу амулет не нужен

Увидев Изегера, девчонка застыла. Медленно поднесла руку ко рту, словно раздумывала: пора кричать или еще рано.

Лучше бы не кричала. Он бы не вынес. От кремвиля и тягостных воспоминаний раскалывалась голова, а тут еще строн крепко ударил магической волной, словно мстил за годы разлуки.

Первая встреча с ним всегда болезненна. Не зря магов с младенчества приучают к родовым амулетам, иначе от хлынувших знаний можно получить взрыв мозга. Пока ты глуп и только и можешь, что орать да сосать грудь, не осознаешь, сколько поколений предков вливали в строн силу, и какая ответственность лежит на твоих плечах.

Молодой лорд Ханнор не раз искал ответы, почему Верочка Ртищева не вынесла прикосновения строна. Согласно древнему обычаю Агрида, невеста должна прийти к жениху непорочной, и только после того, как на ее груди в унисон сердцу запоет родовой амулет, можно было приступить ко второй, еще более волнующей части. Зачатию дитя.

Первая кровь жены связала бы их навек, и где бы Вера ни находилась, чего бы не испытывала, он всегда чувствовал бы ее настроение и мог отыскать.

А так... Связь прервалась, не успев завязаться.

Изегер отказывался верить, что чистая душой, так восторженно говорящая о благородстве и чести, Верочка Ртищева могла познать мужчину еще до встречи с ним, а потому сваливал неудачу со троном на то, что человеческие женщины, не обладающие и толикой магии, в принципе не способны вынести его мощь. Осознание сего факта напрочь перечеркивало надежду на возвращение родового амулета.

«Мертвую строн не притащит, а живой он не под силу...»

И вот теперь перед ним стояла девочка, которую родовый амулет принял. И своим появлением она опровергла все его прежние размышления о слабости людей.

«Эх, Вера, Вера...»

У него только и хватило сил, чтобы подойти ближе и, подцепив указательным пальцем цепь, потянуть амулет на себя.

– Где взяла?

– Я... я не хотела! – голос от страха не слушался. Незнакомка сглотнула и сделала полшага назад. Цепочка опасно натянулась.

– Воровка, что ли?

– Н-н-нет, я невеста. Я не хотела трогать, само как-то получилось. Вот...

Лорд Ханнор приблизил лицо, внимательно взгляделся в глаза девчонки.

Она от страха зажмурилась, а потом неожиданно стукнула коленом в пах. Почувствовав свободу, рванула к двери и исчезла в темноте коридора.

В комнату, бряцая оружием, заглянул стражник и застал командира скорчившимся в три погибели.

– Догнать? – неуверенно спросил он.

– Нет. Пусть бежит. Далеко не уйдет, – Изегеру от ломящей боли завывать бы, но нельзя. А тут еще этот болван сочувственно смотрит. Чтоб он провалился. И через вдох сквозь зубы, стараясь удержать вопль: – А ты пошел вон.

Дождавшись, когда стражник скроется, лорд Ханнор рухнул на колени. Враз намокшие волосы прилипли к лицу.

– Невеста... – прошипел он и глухо рассмеялся.

Юлька бежала по коридору словно заяц, на которого спустили свору собак. Как назло, длинный коридор был узок и не имел ответвлений ни влево, ни вправо. Петлять по нему, все равно что впечатываться плечами в каменные стены, а потому достаточно было тому лучнику, которого «невеста» сшибла с ног, натянуть тетиву, как стрела гарантированно нашла бы свою жертву.

Если на ее пути и встречались двери, то дергать за ручки, чтобы лишний раз убедиться, что за ними тупик, беглянка опасалась. Лучше уйти от преследования как можно дальше, забиться в какой-нибудь угол, а потом трезво (ну, здесь уж как получится) поразмыслить над тем, что только что произошло.

«Я, надевая чулки, резко наклонилась и хлопнулась в обморок? Как пить дать, еще и ударилась головой об трюмо! А может, мне делают операцию, и я под наркозом вижу всякие

страсти? Точно! Со мной такое уже было. В детстве. Когда удаляли аппендицит, я тоже видела, как какой-то длинноволосый дядька тащит меня по черному тоннелю. Но если это галлюцинации, то куда я несусь?»

Юля, прервав свой стремительный бег, резко остановилась. И вовремя, еще бы чуть-чуть и она кубарем покатилась бы вниз по длинной лестнице, скупо освещенной факелами.

Схватившись от испуга за сердце, потому что чудом не сломала шею, задела и кулон. Он привычно обжег, но на этот раз холодом. «Черт, да что с ним такое?»

Галлюцинации – не галлюцинации, но раздавшийся за спиной лязг металла вновь заставил бежать. Даже во сне страшно получить удар в спину.

Последний факел из ряда тех, что были прикреплены к каменной стене, вдруг зачал и резко пыхнув слабым язычком пламени, погас. Щурясь, пытаюсь разглядеть хоть что-то в обманчивой полутьме, Юля конечно же оступилась и полетела вниз, не переставая надеяться, что падение не станет катастрофическим, а потому до последнего пыталась удержаться на полу-босых ногах (на одной все-таки был чулок).

Препятствие встретило ее вскрик «ох!» ответным гулом. Эхо отразилось от стен так, словно кто-то с силой ударила по барабану.

Успокоив дыхание, уже точно зная, что дальше катиться некуда, Юля пошарила по поверхности барабана и догадалась, что врезалась в круглый бок лежащей на полу бочки.

Была ли та открыта с самого начала или пробка выскочила из-за резкого толчка, но в темноте ясно слышался звук бьющей о деревянный настил струи.

«Пить, пить, пить!» – тут же потребовал изнуренный бегом и страхом организм, и Юля не смогла ему отказать. Полностью полагаясь на слух, она нащупала место протечки и, сложив ладонь ковшиком, набрала в нее немного того, что пахло лесными ягодами.

– Морс? – первое, что пришло на ум, когда Юля аккуратно лизнула самую капельку. Осмелев (во сне можно и расслабиться, тем более что на лестнице шума погони не слышно), подставила обе ладони и напилась чуть сладковатой, приятно покалывающей язык, жидкости. Морс вроде как придал сил. А чуть позже и храбрости.

– Чего я сижу, словно мышь в норе? Надо вернуться и серьезно поговорить с тем мужиком. Наверное, он уже и штаны надел.

Вспомнив, как задела то, что было у незнакомца между ног, Юля скривилась. Подошла к бочке и, смочив снятый чулок в морсе, «продезинфицировала» колено. Напоследок еще раз напилась (неизвестно, что ждет впереди, может и не покормят) и отправилась в обратный поход.

– Где она сейчас? – Изегер тряхнул влажными волосами, которые после купания скручивались в тугие спиральки и неприятно холодили спину. Взял из рук слуги рубашку и надел не застегивая. От протянутого камзола отказался.

– Спит на лестнице, ведущей из погреба, – глава охраны Галло по прозвищу Кулак, названный так за то, что мог одним ударом отправить противника к праотцам, улыбался. Давно он не видел своего командира таким возбужденным. Оно и понятно. Больше лорд Ханнор не изгой. Он вернул строн, и теперь приближенные к королю семьи вспомнят, что среди них есть завидный жених. Осталось решить небольшую проблему: снять амулет с шеи чужеземки. Пока строн на ней, лорд будет считаться несвободным.

Изегер в удивлении изогнул бровь.

– Почему спит на лестнице?

– Напилась кремвиля, – пояснил Галло. – Принести ее к вам?

– Нет, не надо. Сама придет.

Собрав отросшие чуть ли не до зада волосы под шнурок, лорд прошел в кабинет, где для него уже приготовили бумагу.

Через несколько минут окликнул Галло и протянул конверт.

– Отправь посыльного к Магистру. Пусть дождется ответа.

В переходе Галло столкнулся с цирюльником, который нес на вытянутых руках котелок с горячей водой. В суме, перекинутой через плечо, позвякивали инструменты.

«Неужели милорд острижет свои лохмы? – страж взглядом проводил довольного цирюльника, ножницы которого вот уже несколько лет не касались волос лорда. Тот, ведя за-

мкнутый образ жизни, даже брился сам. Правда, весьма редко, и лицо его после острого охотничьего ножа выглядело так, словно его отдали на милость коту в период брачных драк. – М-да, жизнь меняется. Зуб даю, как только разнесется весть, что Изегер вернул строн, первой прибежит леди Дэйте. Ей хоть и больше ста лет, но она по-прежнему бережет свою девственность. Все на что-то надеется».

Стремление дочери покойного лорда Витро завоевать сердце соседа-гордеца стало поводом позубоскалить в каждом трактире, что выстроились в ряд между замками Ханноров и Витро. Как терпеливо ждал возвращения своего строна Изегер, так же терпеливо девица Дэйте отказывала очередному кандидату в мужья, коих в ее замке толпилось великое множество. Не сказать, что за прошедшие годы она внезапно стала красавицей, но доставшаяся в наследство оранжерей с волшебным сааром делала Дэйте лакомым кусочком для любой родовитой семьи.

«Кому не захочется жить, не изменяясь, тысячу лет, а то и откатить десяток-другой назад, в ту пору, когда ты молод и хорош собой?»

Изегеру, благодаря всего лишь двум зернам саара, и сейчас трудно дать больше тридцати, а Дэйте, хоть и не смогла изменить непривлекательную внешность, выглядела на шестнадцать.

«Пышненькая, круглолицая и ни одной морщинки, – вспоминая образ невысокой полноватой леди Витро, награж-

денной от природы ярко рыжими роскошными волосами, Кулак хмыкнул. – Правда, рот так и остался как у жабы. У юной жабы. Вот что значит богатство и дар Выращивающих Сааре!»

Только этому роду подчинялась магия невзрачных с виду растений. Сколько раз их пытались выкупить или даже выкрасть? И не сосчитать. Колоски как правило погибали на корню, а если и вызревало хотя бы одно зернышко, оказывалось ядовитым и вместо долгой жизни дарило быструю смерть.

Изегер проследил, как гонец вывел из конюшни жеребца, вскочил на него и, отсалютовав страже у ворот, ускакал прочь.

Письмо, написанное Магистру, содержало всего лишь две фразы: «Строн вернулся. Как избавиться от безродной девицы, на шее которой он висит?».

Прошло то время, когда ради любви Изегер готов был отказаться от магии. Это на Земле лорда Ханнора не волновало, что даст младенцу его мать. Здесь же, в Агриде, дело обстояло совсем иначе.

Изегер, после смерти отца ставший главой рода Рвущих Пространство, устал слыть изгоем и теперь стремился к реваншу, но... Когда он взял в руки цепь, то ясно почувствовал, что ее просто так не снимешь. Амулет принял девчонку. А убить носителя строна – все равно что скатиться к самому низу иерархической лестницы. Об этом помнил всякий ува-

жающий себя маг. Какая из невест наденет строн, зная, что на нем кровь?

«Даже Дэйте ужаснется...»

Изегер знал ответ на вопрос, заданный Магистру, но ему нужно было получить одобрение главного мага. И еще объявить, что род Ханноров снова на коне.

Существовало всего два способа отлучения женщины от строна: смерть или рождение ребенка. Но что получит сын от матери, не обладающей даже зачатками магии? Все равно что птенцу попытаться взлететь с одним крылом. Нет, этот вариант Изегеру не подходил. Оставалось одно – создать девочке невыносимые условия жизни. Причем он сам ничего делать не будет. Просто не станет помогать. Где-нибудь да свернет себе шею.

Глава 3. Проклятый кремвиль

Юля проснулась с тяжелой головой. Болело все: шея, бока, плечи. Создавалось ощущение, что пока она спала, на ней сплясали джигу семеро гномов, а теперь, не уступая в прыти коротышкам, поползли колючие мурашки, возвращая телу нормальное кровообращение.

Подслеповато прищурив глаза, Юля убедилась, что не преодолела и половины пути до выхода из подземелья.

«Все еще в коме», – решила она, так как заметила некую странность, которая не могла произойти в реальности: все до одного факелы потухли, однако она различала не только каждую ступеньку, но и кованый узор на закрытой двери. Поднимаясь вверх, держалась ближе к стеночке, поскольку никаких перил на лестнице не наблюдалось. Юля поблагодарила Всевышнего, не давшего ей ухнуть вниз во время сна, и помянула недобрым словом голого мужика, напугавшего ее до смерти.

Желание пойти и разобраться с ним раз и навсегда исчезло вместе с парами морса.

«Даже если я в коме, не следует нарываться на новую», – к такому выводу пришла Юля вспомнив костяшки кулака, держащего ее за цепочку, широкий разворот плеч, кубики пресса, крепкие ноги, ну и... Нет, об этом она точно думать не будет.

– Черт! Потеряла чулок! – оглянувшись, Юлька поморщилась. Как бы ей ни хотелось иметь при себе все то, что связывало ее с прежней жизнью, возвращаться назад побоялась. Однако чувство утраты кольнуло, словно хозяйка одинокого чулка оставила в темноте что-то родное и беззащитное.

Дернув тяжелую дверь, Юля вздохнула с облегчением. Та легко поддавалась и открыла проход в коридор, в котором, как она помнила, нет ни одного окна, лишь факелы, свет которых показался таким ослепительным, что беглянке пришлось закрыть глаза.

Сейчас, рассматривая круги, плывущие под веками, Юлька как никогда понимала слепцов, у которых при отключении одного чувства особо сильно включается другое. Например, обоняние.

– Откуда это так вкусно пахнет?

Желудок тут же пожаловался, что неплохо бы закинуть в него пару сосисок. На худой конец корочку хлеба. Или яблоко. Желательно величиной с кулак.

Повеяв носом, словно охотничья собака, Юля выбрала верное направление и вскоре оказалась в еще одном коридоре, который при побеге от обнаженного мужика совсем не заметила, ринувшись в открытую дверь подвала.

– Где она сейчас? Все еще спит? – лорд Ханнор сидел за обеденным столом. Перед ним стояло как минимум двенадцать блюд, но он ограничивался красным вином, которое

принесли из того же подвала, где незнакомка напилась кремвилья. Слугам пришлось обойти спящую деву стороной, поскольку их хозяин распорядился не чинить ей пакостей, делать вид, что неизвестно откуда взявшаяся в замке женщина всего лишь... призрак, который бродит где хочет.

– Нет, милорд. Уже проснулась и сейчас крадется на кухню, – Круст – особо приближенный человек, командующий над всей остальной прислугой замка, вновь наполнил бокал.

Поздним вечером, когда помещение освещалось лишь немногими свечами, казалось, что Изегер поднес к губам не вино, а кровь.

«Какая везучая девица! – подумал он, с досады осушая бокал за один присест. – И ведь факелы на новые не заменили, и тьма такая, что хоть глаз выколи, а она жива и здорова!»

– Кто сегодня на кухне?

– Сейчас только посудомойка Сапуня. Остальные ушли к себе.

– Ее тоже предупредили? – лорд Ханнор обратился к главе стражи, который сидел в кресле на другом конце длинного стола.

Не в пример бледнолицему и долговязому Крусту (о невзрачной внешности которого определенно можно было сказать только то, что волосы у него седые да глаза по рыби выпученные), Галло был красен лицом, могуч плечами и крепок ногами. Борода, выгоревшая до цвета соломы, лопатой лежала на груди, напоминающей бочку для кремвилья.

ля, а кулаки были до того увесисты, что даже емкий кубок в них казался игрушечным. Правда, роста Галло Кулак был небольшого, а потому при широких плечах его фигура выглядела квадратной. Сам милорд, вздумай кто поставить эту трицу по росту, занял бы среднюю позицию. Не особо высок и не особо могуч.

– Я всех сегодня собрал, даже дворовых, – Галло терпеливо дождался, когда Круст и ему нальет вина, потом, оглянувшись на дверь и понизив голос, добавил: – Сказал, что по замку бродит сумасшедшая, но обижать ее не следует, поскольку она не принесет вреда.

– Поверили?

– Если нет, то поверят. Эта девица умудрилась вся извозиться в кремвиле. Я сам вздрогнул, когда пошел посмотреть.

– Да, милорд, – Круст улыбался, вспоминая, как со свечой стоял над спящей девушкой. – Она теперь зелень и за неделю не отмоет.

Всякий, кто сталкивался с ягодами с острова Безумных магов, знал, что они оставляют несмываемые пятна, поэтому, прежде чем приложиться к вкусному и такому пьянящему напитку, нужно пошептать над бутылкой или кубком одно очень простое заклинание. Но откуда пришло девице его знать?

– А что насчет строна? Его слуги опознают?

– Мой лорд, вы потеряли его так давно, что в замке успе-

ло смениться второе поколение слуг, – Галло придвинул к себе блюдо с крупной птицей, зажаренной на вертеле и обложенной лоснящимися от жира потрохами. Его глаза жадно выискивали кусок посмачней. Подцепив руками желудок, набитый смесью пяти злаковых, откусил и закатил глаза от удовольствия.

– Мало кто из простонародья знает, как должен выглядеть ваш родовой амулет, – прошептал Круст, наклонившись к самому уху лорда. – А что касается изображения скрещенных рук, овитых змеей, так они встречаются на каждом шагу: на стягах, оружии, латах, барельефах. Да даже на трактирных вывесках их малюют!

Лишь три человека в замке Ханноров знали, что пришедшая дева по закону является женой лорда. А все из-за того, что строн не пожелал сняться с ее хрупкой шеи, которую Галло переломил бы на раз. Но даже такой выход из положения нежелателен. «Жена» должна убиться сама.

– Не дай пресветлый Шаагиль вам возлечь с этой девчонкой, – Галло вытер рот и руки куском ткани и сыто рыгнул. – Тогда вас свяжет по рукам еще и ее первая кровь.

– Здравствуйте! – сказала Юлька, заходя в просторное помещение, где помимо пары очагов (большого, в котором можно было зажарить крепкого кабанчика, и малого, где над огнем и сейчас висел котелок литров на двадцать), стоял огромный стол, а на стенах красовалась всяческая кухонная

утварь. В шкафах высотой чуть ли не до потолка чисто отмытыми боками поблескивали блюда, тарелки и супницы. Воздух был душен и влажен, но хранил запахи недавно приготовленной еды, хотя ее самой нигде видно не было.

Юля сглотнула голодную слюну и еще раз напомнила о своем существовании, поскольку единственный обитатель кухни ей так и не ответил.

– Здравствуйте!

У емкости, скорее напоминающей огромное корыто, чем привычную человеческому глазу мойку, склонилась крепкая женщина. Правда, судила Юлька о той крепости всего лишь по мощному заду, потому как посудомойка стояла к ней спиной и с упоением драила закопченный чугунок.

По вздрогнувшим плечам местной обитательницы Юлия безошибочно определила, что ее услышали, но почему-то не стали отвлекаться от своего важного дела.

– Извините, пожалуйста! – Юля подошла еще ближе. Теперь она видела и тонкие пряди волос, прилипшие ко лбу, и нос картошкой, и пухлые щеки. – Вы не будете так любезны подсказать, где я могу поесть?

Лицо посудомойки побагровело, и она скосила глаза на Юльку.

– Пресветлая Афарика! – воскликнула женщина и, распрямившись, приложила два пальца ко лбу. Такой жест Юля видела в кино, когда военные отдавали честь. Но испуганная тетка, у которой верхняя часть тела весьма ладно гармони-

ровала с нижней, честь точно отдавать не собиралась. Она переместила пальцы к губам и трижды торопливо их поцеловала.

Выпущенный из рук котелок с грохотом покатился по каменному полу, а посудомойка, резко развернувшись, кинулась куда-то в узкий проход справа от очагов, откуда вскоре послышались хлопок двери и скрип засова.

– Странная какая-то, – Юлька, встав на цыпочки, заглянула в висящий над огнем котел и расстроилась. Там кипела вода. – Где же они все съестное прячут?

Юля, согласно окружающему ее антуражу, догадывалась, что время холодильников еще не пришло, а ледник с припасами мог быть где угодно. Даже за той дверью, куда убежала посудомойка.

«Как бы она там не замерзла», – добрая душа звала постучаться и вызволить беглянку из ледяного плена. Подчинившись зову сердца, Юля нырнула в узкий проход и, толкнув бедром дверь, прокричала:

– Вы не бойтесь меня, пожалуйста! Я сейчас лежу в коме. А вы – всего лишь моя галлюцинация. Поэтому я не могу причинить вам вред.

За дверью послышался шорох. Юля прижала ухо, чтобы наладить обратную связь.

– Я понимаю всю абсурдность ситуации. Но есть почему-то очень хочется...

– Изыди! – ответил визгливый голос.

– Куда идти? – переспросила Юля.

– К милорду! – совет не сразу, но последовал.

Все это время посудомойка в панике соображала, какую бы дорогу указать. Насмерть замерзнуть среди туш горных козлов и степных кабанчиков ей не хотелось, а путь к милорду из всех существующих был самым коротким. Не пришлось бы пускаться в пространные объяснения: «Иди под гору Валаах, найди лестницу из тысячи ступеней, почувствуй жар во всем теле и сгни в очищающем пламени!». Так гораздо проще: – Сначала налево, потом направо!

– Спасибо! Я ушла! – поблагодарила Юля. Чтобы услышали ее безмерную благодарность, «лежащая в коме» пяткой попинала дверь. Ноги вконец заоченели, а так хоть немного разогнала кровь.

В раздумье постояв между дверями, ведущими в совершенно разные стороны, Юля вспомнила принцип слепца – закрыла глаза. Запахом еды тянуло и слева, и справа. И даже из очага, где совсем недавно что-то жарили.

«Русская рулетка сейчас самое то», – Юля вытянула указательный палец и, крутанувшись вокруг своей оси, открыла глаза. Смело распахнула дверь, на которую пал выбор.

«Голод не тетка».

Повернула налево, потом направо и слышала приглушенные голоса. Стражник, стоящий у двери, сделал шаг в сторону, разрешая «безумной деве» войти. Приказ не чинить ей препятствий был для служивого законом.

– Спасибо, – поблагодарила его Юлия и, затянув потуже резинку на конском хвосте, оправив платье, которое, как и предсказывала мама, не измялось, смело шагнула в скупо освещенную комнату.

Милорд, а это был тот самый грубиян, хотя с их последней встречи он приоделся и даже подрезал свои дивные волосы, уронил двузубую вилку, на которую только что насадил тушку куропатки. Птица шлепнулась в соус и забрызгала белую рубашку так и застывшего буквой «Г» хозяина. Мужчина, сидящий на другом конце стола, крикнул и выронил чашу с вином из рук. Он вскочил, но штанам это не помогло. Они потемнели, словно их владелец не успел справить нужду так, как это делают взрослые люди.

– Здравствуйте, господа, – произнесла Юлия и, пододвинув тяжелый стул, села по центру. Нисколько не смущаясь, что ей не предоставили прибора, подтащила к себе блюдо и протянула руку, чтобы вцепиться в кость, на которой висел добрый шмат мяса. И только тут заметила, что ее рука ярко-зеленого цвета, а подтеки идут до самого локтя. Левая рука оказалась не лучше. – Черт! А где у вас можно умыться?

Мужчина в испачканных штанах повел головой так, словно его душил ворот.

«Или он кивнул в ту сторону, где есть умывальник?»

Массивный стул едва сдвинулся с места.

– Извините, – произнесла Юлия и, гордо задрав нос, отправилась в указанном направлении. Умывальник в открыв-

шейся взору комнате она не нашла, зато там стояло зеркало, которое отразило нечто «лягушкоподобное». Юля даже испугалась, что в комнате есть кто-то еще. Но нет, отражение точно принадлежало ей.

– Мамочки! Да что же это?

Естественного цвета оставалась лишь та часть лица, которая напрямую не соприкасалась с морсом. На то, что это именно его работа, указывало «продезинфицированное» колесо.

Схватив первую попавшуюся вещь, оказавшуюся рубашкой, пропахшей потом, Юля принялась оттираться. Вернуться назад, где на нее вновь будут смотреть как на пугало, она не желала.

– Не поможет, – раздалось от двери.

Юля от стыда прижала рубашку к лицу.

– Кремвиль не смывается ни водой, ни мылом.

– И что же мне делать? – не отнимая ткань от себя прошептала «жена».

– Пойти и убиться, – последовал ответ. И в этом спокойном голосе не слышалось ни одной шуточной ноты.

– Сказала, что она где-то лежит! – донеслось из соседней комнаты. – А мы все какие-то глюцинации.

– Не где-то, а в коме! – поправила Юля, поняв, что только что явившийся мужчина говорит о ней.

– Круст, гал-лю-ци-нации, – со своей стороны поправил тот, кого посудомойка назвала милордом. А потом уже об-

ращаясь к «жене»: – Милая, ты не в коме, а мы не твои галлюцинации. Ты попала в Агрид и единственное, что сейчас можешь сделать – это пойти и убиться.

Он выдернул рубашку из ее рук.

– Неправда! – за Юлькиной спиной стояла сотня лет эмансипации. Ни одна современная женщина не возьмет на веру то, что говорит какой-то незнакомый мужчина. Ну, если только она не переспала с ним в первую же ночь. Но ведь с ней этого не случилось? – Я твердо верю, что ударились головой, может быть, даже вдавила височную кость в мозг, иначе как объяснить все то, что происходит? Если вы из какого-то неведомого Агрида (а такой страны точно нет, у меня по географии пятерка), то как я могу разговаривать с вами на русском языке?

– А ты говоришь на русском? Уверена? – дьявольская улыбка расцвела на лице негодяя.

Юлию бросило в жар. И если бы не зеленый окрас лица, это заметили бы и милорд, и стоящие у двери мужчины.

– Мама мыла раму. У Маши кукла. У Миши мяч, – произнесла огорошенная Юлька и разрыдалась. Язык точно был не русским.

– Я же говорю, пойди и убейся. Ты здесь никому не нужна.

Глава 4. Метания

Слезы женщины для мужчины всегда удар под дых. Даже если он палач, а она рыдает на плахе, заслуженно заработав смертный приговор.

Если он палач...

Если приговор заслужила...

Ни одно из «если» не верно. Он не палач, а она не заслужила.

«Проклятый строн».

Радость от возможности вновь стать весомой единицей при дворе короля сошла на нет.

«Лучше бы амулет не возвращался».

За семьдесят лет жизнь устоялась.

Можно было по пальцам одной руки сосчитать все те удовольствия, которым предается мужчина-одиночка, свыкшийся с мыслью, что никогда не будет держать на руках орущего первенца.

Для укрепления силы духа – отражение набегов урийцев. Коварного степного народа, невероятно умелого в боях, против которого не всегда срабатывали магические ловушки, и частенько приходилось махать мечом.

Для убажания тела – развлечение с чередой любовниц из числа служанок или великосветских охотниц, идущих к нему за острыми ощущениями. «Хорошие девочки особо трепе-

шут в руках плохих мальчиков», – кокетливые слова одной из них.

Для поддержания здоровья – крепкий сон в условиях чудной природы. Чем дальше от королевского двора, тем реже вокруг тебя плавают ошметки магических заклинаний. Причем не всегда добрых.

Для удовольствия разума – достаток книг и вина.

И никаких дворцовых интриг, игры мускулами и сотрясения воздуха возможностями родов.

Ну не рвет больше никто пространства, и что? Перестали ходить в иные миры? Нет.

Пусть амулеты и прилагаемые к ним заклинания весьма дороги, но желающий путешествовать всегда отыщет средства. Или станет полезным королю и запишется в отряд шпионов, который возглавляет лорд Цессир из рода Меняющих Лики. Они все до одного мотаются по мирам за казенный счет.

– Прекрати плакать.

Девчонка не послушалась, упала на колени и согнулась пополам. Ее острые плечи подрагивали, молния на платье мягкой полосой разделила и без того узкую спину.

«Она совсем еще ребенок».

Изегер повернулся к двери, где с такими же как у него лицами, на которых читались растерянность и смущение, стояли его сотоварищи.

Взмахом ладони он усладил их прочь. Потом подошел к дев-

чонке, поднял ее на руки и перенес на свою кровать.

Она не сопротивлялась. Лежала, скрутившись калачом, и беззвучно плакала.

– Как тебя зовут?

– Юлия...

– Джулия? – он накрыл ее покрывалом. – Можешь остаться здесь. Спи.

Она застыла, потом не удержалась – хлюпнула носом.

– Сначала поем.

Изегер вздохнул, развернулся на каблуках и покинул опочивальню.

В комнате, где был накрыт стол, осторожно, боясь греметь посудой, двигались слуги.

– Оставьте. Уберете, когда гостя поест.

Гостя – это слово определяло статус девчонки. Временный жилец, который не задержится. Не должен задержаться. Изегер не хотел, чтобы она осталась.

«Скорей бы пришел ответ от Магистра. Может, появился иной способ избавиться от носителя строна? Менее болезненный».

Лорд Ханнор слишком давно не был при дворе и понятия не имел, какие там дуют ветра. Сидел как бирюк на границе, лишь бы не чувствовать на себе злорадные или осуждающие взгляды. Отдать родовой амулет какой-то девице с далекой Земли! Любовь им двигала, видите ли...

«Вот будет смеху, когда они узнают, что строн вернулся,

а в придачу к нему такая же безродная девчонка. Да еще и нелюбимая».

– Галло, собирай отряд.

– Ночь уже. Да и куда пойдём, на границе спокойно...

– Не ты ли мне вчера говорил, что урийцы за рекой лагерем стали? Что женщин и детей среди них нет, да и ведут себя слишком тихо? Наверняка замышляют черное дело.

– Угу. Просто на нашей стороне урдук созрел, а они его высушивают и зимой от хвори всякой лечатся. Кислый, зараза, враз пот прошибает, но силищу дае-е-ет...

– Так что, други?! – громко крикнул Изегер, одним только голосом поднимая свой многочисленный отряд. – Не оставим урдук в беде, не дадим его урийцам на поругание?

– Да!!! – откликнулся отряд, завсегда готовый поддержать любую затею командира. А чего бы не размять руки, не напечь ноги, не развеять головушку?

Вернулись часа через два. Довольные, шумные, мокрые после смывания пота и крови в реке. Командир сверкал сиянием на пол-лица, а потому улыбался одной стороной рта.

Урийцев крепко отмузузили, а после чего отдали урдук за просто так.

В благодарность за замечательно проведенное время.

Те тоже остались довольны. Когда еще придется самому лорду Ханнору, отказавшему в кураже от магии, вмазать ведром по лицу?

На крыльце крыла для прислуги появилась принарядив-

шаяся Эрдис, наскоро заплетающая длинную косу. Увидев синяк и перевязанную скрученной рубашкой чуть выше колена ногу, притворно ужаснулась и певучим голосом произнесла:

– Милорд, да вам срочно в постель надо!

– А и пойдем! – ответил Изегер и, взвалив под свист воинов верещащую Эрди на плечо, побежал в сторону сторожевой башни, где как правило и коротал ночи бесшабашной любви, поскольку в господскую опочивальню сроду никого из женщин не водил.

Из окна второго этажа на него смотрела Юлька, крепко сжимая зубами кусок мяса, который никак не хотел отрываться от кости. Это был ее второй поход за едой. Чтобы слуги не унесли ее со стола, пришлось подпереть дверь тяжелым стулом. Поспала маленько на мягкой кровати и опять принялась за трапезу.

Наедалась Юлька впрок.

Вдруг настроение милорда переменится, и ей опять придется штурмовать ледник?

– Как она? – лорд стоял в одних штанах. Спина лоснилась от пота. Пахло от хозяина горным урдуком и женщиной.

– Спит, – коротко ответил стражник.

Изегер дернул за ручку двери, та не поддавалась.

– Она стулом ее с той стороны прижала.

– И что, еда на столе так и стоит?

– Как можно, милорд? Через вторую дверь зашли, когда

ваша гостья угомонилась. Говорят, она в бочке искупалась, что вы в лаборатории для снятия остатков магических заклинаний держите.

– В ледяной воде?

– А кто ж ей согреет? Сказано, препятствий не чинить, делать вид, что она призрак...

Черные волосы разметались на подушке. Ресницы подрагивали, губы что-то шептали. Иногда под покрывалом угадывалось как дергается нога. Зелень с лица никуда не делась, а потому казалось, что на кровати лежит лесной эльф. Жил как-то у них Изегер. Они научили его жевать сюрить, отчего зубы становились крепче (уху врагу на раз можно было отгрызть), но кожа приобретала зеленоватый оттенок.

– Не набегалась за день? – лорд стоял над спящей «женой», которая после купания облачилась в его рубашку. В лаборатории на мече непобедимого Гестиха, который Изегер прошлой зимой выкупил у Дэйте и воткнул в деревянную колоду (как и положено его хранить), висели выстиранные кружевные трусики и бюстгальтер. Платье из изумрудного шелка покоилось на спинке кресла. Лорд взял его, погладил загрубевшими пальцами ткань, поднес к лицу, вдохнул запах.

Одежда Джулии пахла хорошо. Какими-то знакомыми духами.

«Красная Москва? Нет, откуда. Столько времени прошло».

Когда-то, в тридцатых – сороковых годах, это были луч-

шие духи в России. Тогда Изегер еще не оставил надежду найти Верочку Ртищеву. Но война, охватившая ее родной мир, окончательно перемешала людские массы, и молодому лорду Ханнору ничего не оставалось, как вернуться домой.

«Надо бы в Агардаре зайти в лавку иномирных диковин. Там частенько продают товар с Земли. Джулии бы понравилось».

Изегер вдруг рассердился на себя. Швырнул платье на пол.

– Чего это я? Завтра же отправлю ее в дом у западных ворот. Пусть там сидит, пока Магистр не ответит.

В коридоре рядом со стражником стоял, опираясь о стену, Круст. Он клевал носом.

Конечно же верному слуге доложили, что лорд вернулся в свои покои.

«Может быть, придется перестелить простыни после этой безродной девчонки, или убраться в лаборатории, где она развесила, словно стяги, свои диковинные трусы?» – Круст готов был вовсе не спать, лишь бы угодить хозяину. Он уже предвкушал, как вместе с милордом переберется в столицу. В Агардаре жизнь совсем другая...

– Утром переселишь гостью в дом бабушки. Освободи одну из комнат.

– Там пыль веков...

– Я сказал, чтобы утром ноги ее в замке не было.

– Слушаюсь, милорд. Сейчас пошлю Эрдис.

– Пошли кого-нибудь другого. Эрди мне здесь нужна.

В сторожевую башню Изегер влетел словно ураган. Поставил лежащую на животе Эрди на колени, прижал ее голову к подушке, чтобы не вздумала подниматься, пристроился сзади и хорошенько отымел. Потом рухнул на влажные простыни и забылся тревожным сном.

«Проклятый строн!»

Глава 5. Бред

– Леди! Леди! Просыпайтесь!

– А? Что? – Юлька хлопала глазами. Потом вспомнила, где находится, натянула покрывало до шеи. – Как вы сюда вошли?

– Через вторую дверь, миледи! – у кровати стоял вчерашний слуга, которого милорд называл Крустом.

– Здесь была вторая дверь?!

– Да, в лаборатории. Как раз у меча непобедимого Гести-ха, на котором вы развесили свои... м-м-м...

– О боже! – Юля соскочила с кровати и, туго завернувшись в покрывало, посеменила в соседнюю комнату, чувствуя себя настоящей японкой. В волосах вместо заколки торчала двузубая вилка. Вчера во время купания резинка куда-то запропастилась.

Быстро стащив трусики и бюстгальтер, которые сушились на гарде мощного оружия, Юля вернулась в комнату и, подхватив с пола платье, зашла за полог, чтобы переодеться.

– Милорд приказал отвести для вас другое жилище. Дом своей бабушки. Вам там... м-м-м... будет удобнее.

– Что на этот раз означает ваше «м-м-м»? – Юля изворачивалась, чтобы застегнуть молнию.

– Дом большой, но в нем никто не живет...

– А бабушка?

– Она давно умерла, – Круст скривился. Ему не понравилось, что его перебили. – И в этом доме вам будут принадлежать всего одни покои. Там уже убрано. В остальные комнаты я бы не советовал ходить.

– В них опасно? – в голове понеслась мелодия из мультфильма об очень синей бороде.

– Нет, леди. Грязно. И может завалить старой мебелью.

– Я буду совершенно одна?

– Да.

– Ох, в любом случае лучше, чем спать в подвале.

– Наш лорд милостив...

– Я увижусь с ним?

– Не думаю.

– Тогда передайте ему мою благодарность. За то, что приютил.

– Непременно, леди.

– Раз уж мы так мило разговариваем, не подскажите, где можно найти человека, который смог бы организовать, ну, или в крайнем случае объяснить, как я могла бы вернуться домой? – Юлия вышла из-за полога. Она собрала волосы в пучок и привычно закрепила их вилкой. – Я же вижу, что вашему лорду я в тягость. А жених у меня состоятельный, думаю, он заплатит за беспокойство.

– Это невозможно, – глаза Круста были холодны. Ни капли сочувствия или хотя бы искры сожаления. – Пока у вас на шее амулет, принадлежащий роду Ханноров, вы останетесь

здесь.

– Ах, так вот в чем дело! – всплеснула руками Юлия. – Все из-за этого кулона! Да я бы с удовольствием с ним рассталась, но, как назло, застежка сломалась. Я вчера пыталась снять цепь или даже разорвать ее, но не смогла. Наверное, нужно позвать какого-нибудь мастера?

– Милорд уже позвал. Он ждет ответа.

– Вот и здорово! – настроение у Юли поднялось.

Какие все-таки эти мужчины мужланы! Могли бы сразу объяснить, что нужно вернуть дорогой кулон, иначе домой не отпустят. Она бы так не переживала, пребывая в неведении. Хоть какая-то ясность! Еще было бы неплохо разузнать, где на карте мира находится этот Агрид, и почему здесь так странно одеваются. Словно бесконечно играют в ролевые игры. Мечи, латы, стяги. Ну как дети!

Но в принципе, ничего удивительного. В Европе, да и в США, постоянно устраивают костюмированные турниры и прочие развлечения, соответствующие средневековью. Осталось выяснить самый пустяк.

– Значит, нужно дождаться мастера? – Юлия встала перед кроватью на колени и откинула в сторону съехавшее покрывало. – А вы не подскажете, сколько ждать?

– Я думаю, с неделю, – слуга нахмурился, не понимая, что собирается делать гостя. – Мастер живет при дворе короля, а наш замок стоит на южной границе.

– О, так у вас монархия! Как в Великобритании!

– Никогда не слышал об этой стране, не могу сказать...

– Да вы шутите?

– Леди, нам пора. Соберите все свои вещи.

Лицо Круста вытянулось, когда «леди» нырнула под кровать.

– Ну все, я готова!

– Что у вас в этих узлах? – Круст узнал салфетки, которыми намедни пользовались милорд и Галло.

– Немного еды, – Юлька засмушалась. Проступивший через зелень румянец окрасил лицо в синюшный цвет. – Я вчера запаслась. Боялась, что не найду другой пищи. Не выбрасывать же...

– Я распорядюсь, чтобы вас кормили дважды в день, – Круст, взглянув на острые коленки гостыи в слишком коротком на его взгляд платье, повернулся к двери, жестом пригласив следовать за ним. «Думаю, милорд не будет против. Ему не нужна молва, что он заморил носителя страна голодом».

Слуги, встречающиеся на пути, с любопытством смотрели на гостью, чья кожа была окрашена в зеленый цвет. Кроме понятных пятен от кремвиля, все в ней было не так. И чересчур открытые ноги, и излишняя худоба не в пример здешним красавицам, отличающимся дородными формами, и небрежно скрученные волосы, из которых почему-то торчала вилка.

Зайрис, отвечающая за сохранность господского кухонного серебра, закрыла пухлой пятерней рот, из которого едва

не выскочил возглас: «Держи воровку!». Сегодня с утра она уже надавала пощечин и служанкам, и посудомойкам за то, что те утерjali такую ценную вещь.

Лишь присутствие Круста остановило ее от того, чтобы вцепиться блаженной девке в волосы и вытащить пропавшую вилку.

Стоящая у сторожевой башни Эрдис кривила губы. Ей уже донесли, что невесть откуда взявшаяся девица спала в опочивальне милорда, надев на голое тело его праздничную рубашку, сшитую из баснословно дорогого привозного из иных миров батиста. И кто ей позволил так вольно распоряжаться? И почему милорд за волосы не стащил мерзавку со своей кровати, на которую даже она, постоянная любовница, ни разу не присела?

Хотя успокаивало одно – милорд провел всю ночь в сторожевой башне. Ну, почти всю ночь.

«А вдруг он ходил к этой? – мелькнула страшная догадка. Ведь Эрди помнила, что милорд отсутствовал какое-то время. – Узнаю, что он был с ней, убью!»

Конечно же, любовнику ничего не грозило.

Если бы в этот момент Юлия обернулась, она бы похолодела от взгляда, которым ее провожала эта пышнотелая довольно миловидная девушка со светлыми, заплетенными в толстую косу волосами.

– В этих покоях жила бабушка милорда, – Круст дождался, когда гостья оглядится. – Купаться можно здесь.

За неширокой дверью обнаружилась лохань, в которую и миниатюрная Юлька поместилась бы с трудом. Та стояла на каменном приступке, а рядом висел серебряный ковшик, из которого, видимо, следовало себя поливать.

– Вода поступает из этой трубы. Она из горного источника. Чистейшая. Можно пить, – Круст распахнул дверь, позволив Юле заметить, что в углу «ванной комнаты» есть стул, под которым стоит горшок.

«Ага. Удобства, – Юля кивнула, давая понять, что увидела достаточно. – Ничего, нужно продержаться всего неделю. Приедет мастер, снимет с меня цепочку, и домой!»

Она упорно гнала от себя мысли, которые страшили и зудели в голове осиным роем. Как она попала в этот не-пойми-где-находящийся Агрид; почему эти безумцы изо дня в день с таким упорством играют в ролевые игры (служанки тоже выглядели так, словно сошли с картинок позднего средневековья, а взять хотя бы вчерашних воинов с их луками и мечами?); и как она смогла за мгновение выучить язык аборигенов, если даже с английским справлялась с трудом?

Вчера, объевшись и вконец вымотавшись, Юля не успела подумать над этими важными вопросами. Но теперь, когда Круст ушел, и она осталась в целом доме одна, пришлось поразмышлять над странностями замка.

Идея с комой выглядела куда логичней, чем участие в ролевой игре.

Во втором случае в глазах жениха и турецкой родни Юля

определенно выглядела воровкой, сбежавшей со старинным кольцом и наводящим ужас кулоном.

«Ох, если я на самом деле оказалась в Агриде, мама будет ругаться! Ей еще не хватало дурной славы. И отчим будет рвать и метать. Такой позор: порекомендовал воровку!»

Сев на широкую, на вид удобную кровать, немного попрыгала на матрасе, чтобы понять, не лежат ли под покрывалом голые доски. С этих ролевиков сдастся.

«Нужно ждать. Или приедет мастер и сделает меня свободной, или врачи выведут из искусственной комы».

Вариант со смертью оптимистичная девочка не рассматривала.

Вздохнув, она подошла к висящему на стене зеркалу, всмотрелась в зеленые пятна на лице, включенные волосы и прошептала:

– Нет, я все-таки в коме...

Следующие три дня Юлия жила одна, подчиняясь установленному распорядку. Спала, бодрствовала, ела. Еду приносил мальчишка, который на любые вопросы только крутил головой и страшно тарачил глаза. Ни милорд, ни Круст так и не появились. Да и не было нужды в их визитах. Все, что Юле казалось необходимым, она худо-бедно нашла.

Хотя в шкафу и висели подходящие по размеру платья (видимо, прежняя владелица тоже не соответствовала местным канонам красоты), надевать их не имело смысла. Длинные, тяжелые, с неудобные крючками и лентами, которые без

посторонней помощи и не завяжешь. И туфли своей жесткой колодкой навевали ужас, хотя были сшиты из атласа и густо украшены бисером.

Спасла ситуацию находка в соседнем помещении. Видимо, здесь когда-то обитал мальчишка. Рубашки, штаны, курточки, сапоги и туфли из мягкой кожи – все пришлось Юле впору.

Единственное, что пригодились из шкафа бабушки милорда – шпильки. Теперь вилка заняла подобающее ей место – на столе.

Кормили тоже просто, без изысков. Хлеб, молоко, козий сыр, отварное мясо и какой-нибудь фрукт, напоминающий то ли яблоко, то ли грушу.

На улице погода резко поменялась, и Юлька мысленно благодарила милорда, надумавшего переместить ее сюда, где и комнаты были поменьше, и в них не так свистели сквозняки. В замке в своем зеленом платье она бы уже давно слегла с температурой.

Начались затяжные холодные дожди и выходить наружу совсем не хотелось, хотя в первый же день своего пребывания в новом доме Юля планировала вылазку. Она думала осмотреться и наметить маршрут для привычной утренней пробежки. Два часа на свежем горном воздухе по любому пошли бы на пользу, но и местный ландшафт неплохо бы знать. Вдруг придется удирать? Мало ли что взбредет в голову местному милорду: сегодня он добр и даже кормит, а

завтра? Но в такую погоду на любой тропе легче свернуть шею, чем оздоровиться.

От незнакомого голоса она проснулась ночью. Кто-то пел. Причем в ее комнате.

– Кто здесь?! – Юля потянулась к подсвечнику, но вовсе не для того, чтобы его зажечь. В темноте она по-прежнему видела так, словно где-то над головой находился постоянный источник света (вот еще один факт, склоняющий к мысли, что она все-таки в коме). Схватив канделябр на манер дубинки, спустила ноги с кровати. Кулон, спрятанный под то, что Юля считала пижамой, странно нагрелся.

На пуфе перед большим зеркалом сидела женщина в длинном пеньюаре. По тому, как она озадаченно повернула голову и опустила руку, запястье которой украшали кружева, можно было заключить, что незнакомка не подозревала о существовании в комнате кого бы то ни было, а потому спокойно прихорашивалась.

– Мальчик, ты меня слышишь? – обладательница высокого голоса поднялась.

– Я вас еще и вижу! – доказывать незнакомке, что перед ней девочка, Юля не стала, как и не стала выпускать из рук подсвечник. Мало ли.

– Какой сердитый мальчик! Как ты попал сюда? Один, без слуг, без няnek. И из какого ты рода?

Юлю сейчас больше волновало, почему ночная гостья так

удивляется. Пришла, куда не звали, поет, да еще задает глупые вопросы.

«Сумасшедшая?! О, только не это!»

– Мне разрешил в этих комнатах пожить милорд. А вы как сюда попали? Что, здесь спрятана еще одна дверь? – Юля, не спуская глаз с незнакомки, пошебуршила занавески, думая, что могла не заметить второго входа. Как тогда, в покоях лорда.

– Какой странный мальчик! – женщина нахмурилась. Была она бледна. Казалось, что лунный свет просвечивает ее насквозь. Юля покосилась на окно. Никакой луны. Только нудный дождь, который и не думал прекращаться.

Незнакомка двинулась по кругу, желая рассмотреть «мальчика» поближе. Юля не давала ей зайти за спину и опиывала такую же траекторию, лишь бы оставаться лицом к опасности. Она слегка наклонилась и покрепче перехватила подсвечник, готовая в любой момент дать отпор.

– То, что ты из Видящих в Ночи, я уже догадалась, – заключила женщина, заметив, как ловко Юля обходит препятствия. – Но какой твой основной дар? Тот, что достался от отца?

– У меня нет отца! – отрезала Юля, боясь выпустить из поля видимости безумную леди.

– Сирота... – протянула женщина и остановила кружение. Она вновь оказалась у пуфа, а потому просто села на него и, заботливо расправив полы пеньюара, уставилась на находя-

щуюся в боевой стойке Юльку.

– Хорошо. Не хочешь называть род, скажи свое имя.

– Юли... я, – Юлька запнулась. – Я Юлий!

«Я мальчик, пусть так и думает. Говорят, сумасшедшие могут приходиться в бешенство, если в голове что-то не укладывается».

– Джулий? А меня зовут Тиль Грасси, я из рода Рвущих Пространство, как и нынешний наследник лорд Ханнор. А по отцу Убивающая Взглядом.

– Ха! Ха-ха-ха-ха! – Юлька, к своему стыду, не сдержалась. От смеха согнулась пополам. Более чудной фантазии на основе бредового состояния Юля еще не слышала. Да, она не сильна в психиатрии. Когда-то в старших классах появилось любопытство, заставившее прочесть пару книг, да желание поступить в медицинский, но...

Незнакомка нахмурилась, поджала губы.

– Ох, простите! Я не хотела вас обидеть! Но убивающая взглядом? Моей маме это бы понравилось!

– Не хотела обидеть? Не хотела? – ночная гостья опять встала. – Ты не мальчик. Ты... А кто ты?

«А вдруг на самом деле убьет взглядом? Надо сознаваться».

– Я девочка. Можно сказать, гостья. Жду, когда приедет мастер и снимет с меня вот эту цепочку, – Юля вытащила из-за пазухи кулон.

– У тебя строн Ханноров? Ты... ты жена Изегера?

– Я? Я жена Изегера? А кто такой Изегер?

– Тот, кого ты называешь милордом, – женщина с досадой махнула рукой. Ее сейчас занимали совсем иные мысли. – Что еще натворил этот несносный мальчишка? Почему держит в моем доме свою жену? Что он задумал?

Юля поставила подсвечник на место. Легла в постель и накрылась с головой.

Слова «в моем доме» – вот, что заставило Юльку поверить, что у нее самой начался бред.

«Наверно, поднялась температура. Или кончилась капельница. Сейчас ее поменяют, и все вернется на свои места. Пропадет эта бабушка, которая умерла черт знает сколько лет назад, я проснусь в добром здравии (относительно, конечно), съем кусок хлеба с сыром и буду ждать мастера. Осталось всего четыре дня».

Глава 6. Вдохновляющий совет мертвой бабушки

Как Юлька ни старалась: жмурила глаза, затыкала уши, задерживала до посинения дыхание в надежде, что бред вот-вот закончится, и полупрозрачная незнакомка, говорящая нелепые вещи, наконец, исчезнет, ничего такого не происходило.

– Очень странно, что жену, которой каждую ночь положено быть при муже, чтобы зачать наследника, сослали так далеко от его опочивальни, – Тиль Грасси кончиками пальцев придерживала край покрывала, чтобы видеть ту, с кем говорит. Ее не смущали ни закрытые глаза, ни прижатые к ушам руки. – Нет, я, конечно, понимаю, что в договорных браках любви нет, но не до такой же степени! Отселить супругу, пренебрегая всеми правилами приличия...

«Наверно, в больнице так и не заметили, что у меня поднялась температура, кончилась капельница, а по монитору поползла рваная кривая, говорящая о фибрилляции желудочков».

– Не переживай, милая, я встречу с Изегером и поговорю с ним. А еще пожалуюсь свекрови, а она уж точно отходит его клюкой. Хотя не удивительно, что он так себя ведет. Мальчишка как был дикарем, таким и остался. Я помню, как

Изегер поступил с Дэйте, сбежав от нее в день свадьбы. Моему сыну пришлось возвращать десять зерен саара, меч непобедимого Гестиха и ...

– Боже! Где эти чертовы врачи! – простонала Юля.

– У тебя жар? – холодная рука легла на лоб. – Да вроде нет... О, я поняла! Ты отлыниваешь от брачных обязательств, сказываясь больной! Не стоит так отчаиваться, милая! Всего-то и нужно чуть-чуть потерпеть. Можешь вот также как сейчас закрыть глаза, но позволь мужу сделать должное. А как только забеременеешь, он сразу же перестанет тебе докучать, будет приходить в опочивальню лишь по твоему желанию. Поверь моему опыту...

– Мамочки! – Юля перевернулась на живот и накрыла голову подушкой.

– Сирота! Как же я забыла! Тебе некому было рассказать, что мужчина делает с женщиной в первую брачную ночь! И не говори, что ты уже не девственница! Твою непорочность и невооруженным глазом видно! Пройди ты через консумацию, сейчас смотрела бы мужу в рот, а не вела беседы с теньями.

Под подушкой было жарко. Юля с ненавистью скинула ее на пол, постучала, чуть ли не срываясь в истерику, кулаками по простыне и, поняв, что ничего не помогает – призрак не собирается уходить, решила сдаться.

Она так резко села, что Тиль Грасси испугалась и отодвинулась на безопасное расстояние.

– Хорошо, – Юля сдула со лба волосы. – Если вы так настаиваете, давайте поговорим.

– Так вот, у мужчины есть такой отросток между ног, – доверительно и с нескрываемым энтузиазмом произнесла Тиль. Она даже придвинулась ближе к «ученице». – А у женщины...

Юлия вытянула руку, останавливая поток слов.

– Я знаю, что у мужчины есть пенис, а у женщины вагина.

Тиль сделал большие глаза, и закрыла ладонью рот. Юлю реакция старшего поколения не остановила.

– И весь процесс... м-м-м... единения тоже представляю. Я хотела поговорить о другом. Кто вы?

– Ты, наверное, плохо расслышала. Меня зовут Тиль Грасси, я из рода...

– ...Рвущих Пространство, а в девичестве Убивающая Взглядом. Меня волнует иное: почему вы бродите по пустому дому вместо того, чтобы преспокойненько лежать в своем склепе? Вы стали призраком, потому что вас что-то мучает или осталось незавершенное дело? Может быть, чтобы упокоить вашу душу, нужно произнести какие-нибудь слова, сделать пассы руками и тогда вы...

– Как ты смеешь называть меня презренным приведением? – глаза Тиль налились чернотой. – Меня, из рода Рвущих Пространство и Убивающих Взглядом! Я – Тень!

...ень!... ень!... ень! – понеслось эхо под сводами скрещенных потолочных балок.

Клубящаяся тьма в глазах Тиль Грасси вдруг осветилась ярким светом, будто молния полоснула по затянутому тучами небу.

У Юли болезненно сжалось сердце.

«Ну, слава богу! Врачи явились и теперь пытаются завести мое сердце!» – с облегчением выдохнула она. Юлия даже представила, как человек в хирургической форме профессионально трет друг об дружку электроды, кричит «Руки!» и прикладывает дефибриллятор к ее груди. Совсем как в любимом сериале о скорой помощи.

– Еще разряд! – подсказала улыбающаяся Юля невидимому врачу, желая, чтобы ее сердце перестало трепыхаться испуганной птицей, а в голове, наконец, прояснилось.

– Смотри, какая отважная! – уважительно произнесла Тиль Грасси, и тьма в ее глазах рассеялась. – Впервые вижу человека, который не боится убийственного взгляда!

– Вам бы с моей мамой потягаться. Правда, я не уверена, что вы выиграли бы.

– Так жива мамка-то или тоже в склепе? – бабушка милорда поправила свои волосы, разлетевшиеся в разные стороны от недавних электрических манипуляций.

– Жива, – кивнула Юля.

– Значит, рассказывать о мужских штучках, увеличивающихся в объеме при возделении, не стоит?

– Не стоит. Вы извините, что назвала вас призраком. Я не знала, что это столь принципиально.

– Еще бы не принципиально. Призрак, как ты верно заметила, неуспокоенная душа, которая только и может, что выть и стенать. А Тень – это преимущество высшего класса, к которому относятся все маги Агрида. Мы после смерти можем приходить в живой мир словно и не умерли. Правда, с годами становимся все прозрачнее... Ты, как я поняла, не местная?

– Нет. Я с Земли. И пока не очень разбираюсь, как тут у вас все устроено.

– Земля... – Тиль подвигала губами, будто еще раз беззвучно произнесла незнакомое слово. – Нет, не слышала о таком мире. На Бархиде была, и даже танцевала с тамошним королем. В Акапенце с мужем гостила. Там такое приятное море. В Чарти-Су как-то на день задержались и едва отбились от разбойников. Пришлось положить Взглядом с десятков, прежде чем они поняли, с кем связались... А Земля... Нет, не бывала...

– Жаль. Там красиво. В саду по весне соловьи поют. Сиренью пахнет... – у Юли на глазах навернулись слезы.

– Милая, – бабушка милорда обняла новоявленную родственницу. – Не печалься. Теперь у тебя есть я. Всегда приду на помощь. Подскажу и предостерегу. И мужа твоего, если надо, за космы оттаскаю.

– А Взглядом?

Нет, Юлька не хотела таким образом избавиться от «мужа». Просто было интересно. Ну, и его «иди и убейся» вдруг вспомнилось.

– Взглядом вряд ли. У него хоть этот дар не так силен, как родовой, но ответ прислать может. Испепелить не испепелит, но вот срок пребывания Тенью сократит. У нас же как? Чем больше при жизни магии в копилку отложил, тем дольше Тенью среди живых обретаться можешь.

– Это как пенсионный фонд? – на непонимающий взгляд собеседницы Юлька слабо махнула рукой. – У нас на Земле тоже так принято. Чем больше накопил, тем спокойнее на старости лет.

– Тоже Тенями становитесь?

– Можно и так сказать. Многие на грани живут.

– Вот и у нас, – Тиль вздохнула. – Исчерпал магический запас – прямая дорога в склеп. Лежи и не трепыхайся.

– Тиль Грасси...

– Можешь называть меня бабушкой. Мы же теперь родственницы.

– Можно я еще кое о чем спрошу?..

Разговаривали они до самого рассвета. И то, что Юля узнавала в процессе беседы с Тенью, любого человека сразило бы наповал. Но ее тронуло не сильно. Так, словно посмотрела документальный фильм об Атлантиде. Познавательное, таинственно, но не более. Сказка, придуманная древними греками.

«Все-таки какая я фантазерка! – Юля не могла не восхищаться играми своего разума. – Даже религию несуществующего мира придумала. А что? Модель как модель. Дуализм

и все такое...».

– Каждый маг Агрида после смерти становится Тенью, – понизив голос для пущей важности, рассказывала Тиль, – и попадает в чертоги к Пресветлой паре: Афарике и ее мужу Шаагилю. Женское и мужское начало. Им молятся, прикладывая два пальца ко лбу, что означает «мой разум подчиняется вам».

– А зачем трижды целуют пальцы? – Юля вспомнила посудомойку.

– Почтение выражают. Но так обычно простой люд поступает. Им не дано стать Тенями, поскольку магией не владеют, накопить ее не способны. Но вот отправиться к родному братцу Шаагилю – проклятому Валааху, живущему под горой с тем же названием, могут. Наравне с магом, которому небесной парой отказано стать Тенью. Все измеряется тем, как ты прожил жизнь. Недостойно – падальщик Валаах заберет тебя к себе. Достойно – будешь гулять в чертогах Пресветлой пары.

– Милорду грозит Валаах?

– С чего ты взяла? – изумилась Тиль.

– Доведение человека до самоубийства разве не повод навестить падальщика? А еще дня три назад я видела, как лорд вернулся весь в крови, но до ужаса довольный. Наверняка убил кого-то и ни капли не раскаялся.

Тень нахмурилась. Немного помолчала. Взвесила все за и против и выдала главный секрет, открывающий врата в пре-

исподнюю:

– Кровь на стороне – вот тот проступок, что лишит мага милости небесной пары. Остальное – суета.

Пришел черед Юлии нахмуриться. Нет, какой-то неправильный мир она придумала.

Тиль заметила, как ее собеседница поникла.

– Изегер хочет, чтобы ты умерла?

Юная родственница кивнула, спрятав взгляд.

«Бабушка кажется доброй, но кровь не водица. Вдруг она захочет помочь внуку? Страна у нее нет, Тенью она прожила немало. Сильная прозрачность, что говорит об исчерпании «пенсионного фонда», на лицо. Почему бы не угробить ту, что милому дитятке не угодна?»

– Расскажи-ка мне подробнее, милая, а как вы с Изегером поженились?

– Никак. У меня уже есть жених, и как только я приду в себя, познакомлюсь, наконец, с его родственниками.

– Подожди, подожди! Что значит «есть жених»? И что значит «приду в себя»?

– Вы, ваш внук и все это, – Юля обвела рукой окружающее пространство, определенно включающее в себя не только покои в западном доме, но и саму крепость и все то, что простирается за ней, – все это – не настоящее. Я дома, скорее всего, лежу где-нибудь в больнице, куда меня доставили из-за того, что упала и сильно ударилась головой, и вижу сны. А когда проснусь, со смехом буду вспоминать, как бродила

по неприветливому замку, слушала от вашего внука полные презрения слова «иди и убейся», разговаривала с женщиной, называющей себя Тенью и умеющей убивать взглядом...

– Почему ты решила, что смотришь сон?

– Украшение не снимается. Видите? – Юля подергала цепочку. Она вроде и поддавалась, но то путалась в волосах, то цеплялась за ворот, а то и больно врезалась в шею, оставляя на коже красные следы. – Где как не во сне происходят такие нелепости? Мы хотим бежать, но стоим на месте, стыдимся, но едем в автобусе голыми...

– М-да... – прошептала озадаченная Тень. – И что бы я тебе ни говорила, как бы ни пыталась убедить, ты все равно будешь думать, что это сон?

– Да. Даже если вы ответите на вопрос, где я спрятала свой дневник.

– Но разве сны бывают такими долгими?

– А кома? Люди годами лежат в ней. Иногда из нее не выходят. Умирают сами или их отключают от техники, которая помогала существовать.

Тиль Грасси приложила дрожащие пальцы к губам. Она плакала.

Увидев удивление собеседницы, отвернулась, смахнула слезы.

– Я жила почти двести лет, – медленно произнесла Тень, – и, думаю, заслужила право давать советы. Мне кажется неправильным ждать, когда кто-нибудь разбудит тебя...

– Я пыталась сама проснуться, но...

– А если не разбудит, и ты так и умрешь в этой своей коме? Неужели ты хочешь потратить отведенное судьбой время на ожидание жизни после? Вот я проснусь и выйду замуж... Как только меня разбудят, я буду смеяться над своими страхами... Тебе не хочется попробовать жить так, словно это не сон? Любить мужчину, родить ребенка... Ведь тебе дана возможность не бояться ошибиться, не стесняться быть голой, стоять тогда, когда нужно бежать. Что ты теряешь? Разбудят – хорошо. Иди к своему жениху. Не разбудят – так хоть почувствуешь, как бьется сердце твоего ребенка, которому на Земле уже не быть.

Слова Тени ошеломили.

Юля поднесла руку ко лбу, потом опустила к губам. Скользнула вниз к кулону, который потеплел, словно подбадривал.

– Но... Но я здесь никому не нужна...

– Так стань нужной. Борись. Отвоевывай свое право жить.

Рассеянный взгляд Юли скользнул по стенам, где висели гобелены с пастухами и пастушками, которые теперь, в утренних лучах солнца, приветливо улыбались, а не казались блеклыми и безразличными ко всему. Золоченая рама, обрамляющая зеркало, сверкнула незамеченными прежде узорами, на которых приятно остановить взгляд. Висящая над головой люстра мелодично звякнула длинными подвесками, и стало удивительно, отчего раньше этот звук раздражал.

– Мне пора, – произнесла Тень, ласково погладив гостью по щеке.

– Вы вернетесь? – Юля перехватила руку, попыталась задержать ночную гостью. – Мне еще так много нужно спросить.

– Конечно, – улыбнулась Тиль Грасси. – Я ведь не познакомила тебя со своей свекровью.

– Она тоже убивает Взглядом?

– Нет. Она из Пьющих Кровь.

– Вампир?!

– Глупая. Я пошутила. Но ее определенно так можно назвать. Сколько мне пришлось от нее вынести! Ни в одном страшном сне не приснится...

Мелодично звякнули хрустальные подвески на люстре и... Юля проснулась. За окном на примятой дождем траве играло солнечными зайчиками незнакомое светило.

«Надо бы спросить, как у них оно называется», – подумала Юля и улыбнулась новому дню.

– Где тут мои кроссовки? – она достала из-под кровати башмаки из гардероба неизвестного мальчишки. – Пора на пробежку. Начну с малого: осмотрюсь.

Умывшись ледяной водой, Юля взялась за гребень и подошла к зеркалу. Не сразу обратила внимание, что безобразные зеленые пятна сошли.

– Яху-у-у! Кто на свете всех милее, всех румяней и белее? Вот и первая победа.

Глава 7. Незванная гостья

– Что она делает? – Изегер сидел за письменным столом. Перед ним лежал нераспечатанный конверт, который доставил гонец. Раньше, гораздо раньше, чем лорд Ханнор рассчитывал получить ответ.

«Не удивительно, что Магистр так быстро откликнулся: вернулся строн, и в игру по-крупному вступила новая фигура, на которой многие при дворе поставили крест».

– Бегает по кругу, – Круст стоял у двери, готовый в любой момент покинуть кабинет. Письма от Магистра нередко вызывали у лорда Ханнора приступы ярости. Главный маг Агрида не церемонился со своими подопечными. Особенно с теми, кто находится в изгнании.

– По кругу? – Изегер оторвал взгляд от конверта. – По какому кругу?

Его брови в удивлении поползли вверх.

– Она бегаёт по крепостной стене. Даже по той её части, где идут ремонтные работы.

Изегер давно планировал укрепить кладку восточной стены, которую в прошлую весну подточил внезапно обрушившийся селевой поток. Все руки не доходили. А впереди зима. Если она будет такой же суровой, как и два года назад, лавины довершат разрушение. И тогда жди урийцев.

– Зачем бегаёт?

Круст пожал плечами.

– Оделась как мальчишка и бегаёт. С самого утра.

Взгляд Изегера вернулся к письму.

– Пусть бегаёт, – рука потянулась за ножом. Тот легко вспорол брюхо конверта. – Ремонтные работы прекратить.

– Слушаюсь, милорд.

Дверь за слугой закрылась.

Бумага с гербовой печатью Магистра развернулась сама по себе. Сверкнула острыми краями, на которых остались крохотные пятна крови лорда Ханнора. Он потерял пальцы, на них тут же затянулись едва заметные ранки.

Изегер внимательно прочел лаконичный ответ. Еще раз. И еще. Выдохнул и откинулся на спинку кресла. С тоской посмотрел в окно, за которым где-то по стене с бойницами бегала его жена.

«Проведи консуммацию», – написал Магистр.

– Он что, яда мальхийской шидры глотнул? – Изегер с досадой швырнул бумагу на стол. Только шидра могла вызвать помутнение рассудка у сильнейшего мага. – Я же ясно написал «безродная» ...

Недолгие размышления привели к однозначному выводу: Магистр против возвращения сильного рода Ханноров на политическую арену, а значит, помощи с той стороны ждать не приходится.

«Никакой консуммации. Время еще есть».

Изегер вложил послание в конверт и подошел к окну. По-

искал взглядом фигуру, бегущую по крепостной стене. Заметил черноволосую голову слишком поздно – та через мгновение скрылась за поворотом.

«Странная девчонка какая-то. Надо бы к ней получше приглядеться».

И сам не ожидая того, повинуясь лишь острому любопытству, стремительно покинул кабинет. Под изумленные взгляды стражи пробежался по длинному коридору и, рванув дверь, оказался в помещении, ведущем на обширную площадку, нависающую над восточной частью крепостной стены.

Девчонка бежала легко. Волосы, забранные в высокий хвост, хлестали по плечам, руки, согнутые в локтях, двигались ритмично, словно она и вовсе не была женщиной, а вспотевшим воином на учениях.

Лорд Ханнор вспомнил свою знатную любовницу Карэль Сидо. Та хоть и любила пожестче, в постели словно танцевала. Движения были плавными, женственными... А эта?

«И где она взяла мужскую одежду?» – Изегер видел, как воины, дежурящие на посту, провожали его «жену» поворотом головы. Взяла досада. Никогда женщины Агрида не посмели бы надеть штаны, предпочитая заткнуть подол юбки за пояс, если та вдруг им мешала.

Внизу, у основания стены, где велись ремонтные работы, показалась высокая фигура Круста. Нанятые в соседней деревне работники обернулись на его требовательный окрик,

и после небольшой перепалки спешно покинули зияющий проем. Один из стражей крюком подцепил собранные у стены леса и потянул на себя. Те с грохотом обрушились.

Девчонка остановилась и, перевесившись через край стены, посмотрела вниз. Встретившись взглядом с дюжиной мужчин, широко им улыбнулась и, помахав рукой, побежала дальше.

Лорд Ханнор вышел в коридор. После недолгих раздумий жестом позвал одного из стражников.

– Передай Крусту, пусть продолжают восстановление восточной стены.

«Пока не пойму, что у Магистра на уме, торопиться не стану. Положусь на судьбу. А погибнет девчонка ненароком – так тому и быть».

Изегер жалел, что отдал необдуманый приказ. Сиюминутная слабость подставляла под удар всех жителей замка. Обрушья стена, и урийцы прошли бы по крепости смертоносной лавиной.

«Это тебе не стихийное бедствие».

– Милорд, в приемной зале вас ожидает леди Витро.

«Неужели Дэйте уже разнюхала, что строн вернулся? Надо бы приказать, чтобы девчонка прятала его под одеждой».

Отчего-то мысль, что его родовой амулет будет касаться кожи незнакомки из другого мира, корбила.

«А вдруг, а вдруг, а вдруг?» – в такт стуку сердца бился в голове вопрос. Лорд тряхнул головой, отгоняя навязчивые

мысли. Никаких вдруг. Девчонка с Земли не обладает магией, а потому воспользоваться знаниями рода не сможет. Она глуха к ним.

«Пусть хоть засунет строн к себе в рот, магом не станет».
– Миледи, какими судьбами?

Со стен приемной залы на Изегера с осуждением смотрели поколения рода Ханноров. Он мог бы поклясться, что слышал их недовольный шепот. Еще бы, нарушил все устои, отказавшись от выгодной партии. А теперь пожинает горькие плоды.

– И почему не попросила зажечь свечи?

Портреты родственников, выполненные в полный рост, мрачно поблескивали золочеными рамами. Изегер, пока приближался к своей гостье, кожей чувствовал, как нарисованные глаза отца прожигают ему спину.

Леди Дэйте стояла у окна и смотрела в сторону крепостной стены.

– Смотри, кто там! – не оборачиваясь, произнесла женщина, талию которой перехватывал высокий пояс. Слишком широкие бедра прятались под складками юбки.

Изегер беспокойно проследил за взглядом Дэйте, ожидая увидеть бегущую Джулию.

«Уф! Всего лишь креклик!»

Птица с ярким оперением взмахнула крыльями и камнем упала куда-то вниз, а через мгновение взвилась с добычей в цепких когтях.

– Говорят, если выпить кровь креклика, то кожа будет светиться. Может, прикажешь своим людям поймать одного?

– Пусть живет, их слишком мало осталось.

– Я хорошо заплачу!

– Зачем тебе? – произнес Изегер, когда Дэйте повернулась к нему лицом, на котором не было ни одной мало-мальски заметной морщины, свойственной истинному возрасту женщины. – Смотри, еще одно зерно саара, и тебя можно будет качать в колыбели.

Дэйте растянула и без того широкий рот в улыбке.

– А тебе опять перепало от урийцев? Вот почему даже безобразный синяк тебе к лицу?

Она подошла ближе, положила на запястье кавалера руку, заставив идти туда, куда ей захочется. А Дэйте хотелось в сад.

Узкие дорожки между роняющими листву деревьями и вечнозелеными кустами заставляли идти, тесно прижимаясь друг к другу. Дэйте была чуть ниже Изегера, а потому он хорошо видел и веснушки, густо покрывающие ее лицо, и тонкие рыжеватые волосы, пухом растущие над верхней губой.

Как бы Дэйте ни старалась, природу обмануть была не в силах. Зерна саара возвращали ее в то время, когда активно шло созревание и на юношеской коже так некстати появлялись прыщи. И только несвойственный юным девам цепкий взгляд карих глаз выдавал, что их обладательнице в этом году исполнялось сто пять лет.

– Хочешь, я подарю тебе одно зерно? Будем вместе пускать пузыри.

– Нет, спасибо. У меня есть более приятное занятие, чем мочиться под себя.

– Фу, негодник!

Вдоль крепостной стены с корзиной в руке шла Эрдис. Завязки ее простой рубашки были распушены, что позволяло видеть и крепкую грудь, и глубокую ложбинку между полушариями. Грубая ткань скрывала лишь соски.

Заметив лорда, Эрди улыбнулась, но под потемневшим взглядом его спутницы стусевалась, схватилась свободной рукой за ворот, поспешно прикрывая свои прелести.

– Вижу, какое у тебя приятное занятие, – как можно более равнодушно произнесла Дэйте, но по дрогнувшим на предплечье Изегера пальцам легко угадывалось, с каким удовольствием она сжала бы их на белой шее служанки, посмеившей быть такой привлекательной. Дэйте, обильно украшая бюст оборками, старалась скрыть еще один недостаток – плоскую грудь. – У тебя слишком низменные желания.

– Тебе бы тоже не помешало отведать такого удовольствия, – Изегер остановился.

Их взгляды встретились. В его глазах затаилась насмешка, в ее – ожидание.

– Пока не поздно, роди ребенка и передай ему свой дар, – лорд похлопал по женской руке, затянутой в тугую перчатку. – Ты последняя из тех, кому подчиняется магия саара.

Зачем упрямитесь?

– Да пускай хоть все передохнут без моих зерен.

– Ты стала злой...

– Я выйду замуж только по любви. И ты знаешь, от кого зависит, рожу я ребенка или нет.

– Значит, магам Агрида грозит вымирание от старости, – он словно издевался.

Дэйте ущипнула Изегера через рукав камзола.

– Я подожду, когда вернется твой строн. Я терпеливая. И не отступлюсь.

Если бы не боль, причиненная ее пальцами, Дэйте определенно озадачилась бы, отчего Изегер вздрогнул.

– Что этот мальчишка там делает? – она показала рукой на фонтан, возле которого прыгала знакомая фигура в штанах.

– Проклятый Валаах! – едва слышно выругался Изегер.

Его «жена», меняя ноги, то поднималась на невысокий борт водоема, то спускалась вниз, держа при этом руки на талии. Застывшие по центру фонтана каменные фигуры морских дев тарасили на «попрыгунью» глаза. Их рты, из которых летом выстреливали тугие струи подкрашенной воды, были открыты от удивления. Так, во всяком случае, казалось Изегеру, тоже не сумевшему скрыть свое замешательство.

Лицо Джулии покраснелось, хвост бил по спине, но она с упорством скаковой лошади раз за разом брала препятствие. Амулет лорда Ханноров прыгал по ее груди и, если бы Дэйте сделала с десяток шагов ближе, наверняка узнала бы его.

– Давай не будем смущать мальчика, – Изегер обнял гостью за плечи и потянул в другую сторону. – Он отработывает наказание. Я велел ему тысячу раз забраться и спрыгнуть с фонтана.

– За что ты так с дитем?

– Дитя напилось кремвиля и провалялось всю ночь на лестнице. Пойдем, я покажу тебе пойманного недавно аргуда. У него рога как вон то дерево.

В зверинце плохо пахло, и гостья прижала к носу надутый платочек. Проходя мимо клетки с полосатым тайком, чья шерсть из-за редкости животного весьма высоко ценилась, Дэйте остановилась.

– Меняю шкуру тайка на зерно саара, – ее глаза горели. В Агриде каждая женщина знала, что достаточно чудом раздобыть свалывшуюся шерсть горной кошки, которую она оставляет по весне на кустах и острых камнях, связать из нее корсет, и через месяц талия будет такой же тонкой, как у знаменитой танцовщицы королевского театра Ильды Гер. Поговаривали, что она даже спит в корсете.

– Мой тайк слишком хочет жить, – Изегер просунул руку за прутья, и кошка ткнулась в ладонь холодным носом, а потом, урча, потерлась лобастой головой.

– А куда ты деваешь шерсть после линьки? – надежда женщины, мечтающей стать красивой, не умирала.

– Мы делаем стельки в сапоги. Ты же знаешь, зимой без них в горах не выжить. А страже порой сутками приходится

находиться на ногах.

– Когда-нибудь, – Дэйте повернулась к Изегеру, и ее лицо исказила злая усмешка, – ты будешь умолять меня забрать эту кошку.

– Очень надеюсь, что этого не случится, – его взгляд тоже потемнел. – Я лучше выпущу ее на волю.

Дэйте резко развернулась и дерганным шагом направилась к выходу, даже не взглянув на красавца аргуда, что задевал рогами потолок своего вольера.

У дверей она столкнулась с Эрдис, которая не смогла скрыть улыбку.

– Пошла вон, подстилка! – Дэйте с силой стукнула ногой по корзине, стоящей на полу, и морковь, приготовленная для зверей, рассыпалась по полу, устланному соломой.

– Что поделать? Я не могу отказать своему лорду, – потупив глаза, прошептала Эрдис. Кончики ее ушей покраснели, словно она на самом деле стыдилась своей роли в спальне лорда Ханнора. – Но он так любит целовать мою грудь.

Дэйте поняла ее правильно.

– Когда я стану его женой, отдам тебя своим псам.

Глава 8. Дневник героя

В ногах приятно гудело. Осталось размять другие мышцы и сделать упражнение на восстановление дыхания.

Юля выбрала уединенное место, куда из замка навряд ли кто заглянет. Во всяком случае, она так думала. А что слугам делать в осеннем саду у фонтана? А стражники... Что ж, к ним Юлька уже привыкла. Как и к тем фигурам в полном рыцарском одеянии, что украшали собой и без того мрачные переходы замка. Однажды она заглянула под шлем такому рыцарю, правда, сначала постучала. Мало ли? Вдруг в этой консервной банке кто-нибудь сидит и через забрало на нее с усмешкой смотрит? Но нет. Пыль одна, хотя снаружи рыцарь блестит как мельхиоровая ложечка.

Выполняя очередное упражнение, Юля не сразу заметила, что шагах в двадцати от нее замерла весьма интересная парочка. Сам милорд и какая-то девушка.

Спутница лорда Юле сразу не понравилась. Хотя и милорд нравился не особо. Особенно сейчас, когда издали было видно, что у него половина лица синего цвета. Но когда он поворачивался в профиль, взгляд невольно отмечал правильную, типично мужскую, форму носа и... наглую улыбку.

А девица точно не нравилась. Как-то по-собственнически она расположила руку на сгибе его локтя. И прижималась сильно. Чуть ли не висела.

«И задница у нее огромная, и вообще, больше на жабу похожа, чем на человека».

Юля прекратила прыжки.

– Чего это я? Какое мне дело, кто висит на грубияне?

Скосила глаза. Милорд уже обнимался с неизвестной «красоткой», а потом настойчиво повел ее куда-то вглубь сада.

«Развратник. Целоваться, наверное, будут где-нибудь за кустами».

Память услужливо напомнила, что губы у милорда красивые. Не пухлые, но и не узкие. Хорошо очерченные, коричневато-баклажанного оттенка, какой частенько бывает у смуглых людей. И глаза. Черные. Может быть темно-карие. Здесь поручиться Юлька не могла. Помнила, что в тот момент, когда лорд приблизил свое лицо, они светились удивлением, смешанным с насмешкой.

«Ну, здравствуй, жена!»

По спине пробежался холодок. Но не из тех, что являются реакцией на страх. Этот, скорее, шутки памяти, которая записала на извилинах Юлькиного мозга и тембр мужского голоса, и манеру говорить. Не спеша, вкрадчиво, с растяжкой гласных.

– Да что такое со мной?

Каменные русалки, что сцепились хвостами в центре фонтана, ничего не ответили. Как смотрели на нее, по-дурацки открыв рты, так и продолжали пялиться.

Ветер хлестнул по щеке прядкой, выскочившей из конского хвоста. Юля заправила ее за ухо, и тут же память подсунула картинку недавнего ужина, где квадратный верзила разлил вино на брюки. Но не о нем сейчас думала «попрыгунья». Она словно наяву видела, как колыхнулись в свете свечи длинные черные волосы, закручивающиеся непослушными пружинками, выгоревшими на концах до рыжины. И как повернулся лорд, который внимательно посмотрел, кто так нахально явился к столу.

Юля могла бы поручиться, что в тот миг, когда в глазах милорда мелькнуло узнавание, его губы беззвучно прошептали: «Ну, здравствуй, жена!». А потом эта чертова жаренная птица сорвалась с вилки и испортила момент, забрызгав все вокруг коричневым соусом.

Этот соус Юлька позже попробовала. Он был слегка мятный, с горчинкой. Курочка тогда хорошо пошла.

Русалки понимающе улыбнулись. Юля зло сузила глаза.
– Чего уставились? Он гад, гад! – она усилием воли стерла образ милорда и, не попрощавшись с каменными девами, потрусилась домой.

Нечаянно поймав свое отражение в зеркале, Юля неприятно поразилась. Волосы включены, рубашка прилипла к вспотевшему телу, и по ней некрасиво расплылись темные пятна.

– Черт!

Перед тем как пойти помыться, Юлька прихватила чистые

рубашку и штаны, которые перетащила в собственный шкаф из соседней спальни, принадлежавшей когда-то незнакомому мальчишке. Все его вещи были переложены пахучей травой, отчего сохранили свежий запах несмотря на то, что им могло быть тысячу лет.

Искупавшись в ледяной воде, Юля растерлась до красноты жестким полотенцем, больше напоминающим кусок грубой ткани, набрала в лохань свежую воду и выполоскала белье, в котором бегала по крепостной стене.

– Куда бы повесить?

Комнаты явно не предназначались для того, чтобы в них сушили одежду.

– Веревка, мне нужна веревка!

Мысль была дельной. Тогда бы Юля смогла организовать сушилку в том коридорчике, что отделял ее комнату от соседней, зацепив веревку за дверные скобы.

От идеи развесить штаны на улице Юля отказалась сразу: осенью погода переменчивая. Вот и сейчас ветер, словно злой пастух, гнал по небу отару тяжелых туч и сердито швырялся пожелтевшими листьями.

Взяв с подноса, который принесли в ее отсутствие, краюху хлеба, Юля отправилась на розыски веревки. Тогда и обнаружилось, что к спальне мальчишки примыкает еще одна, более просторная комната.

«Игровая?!» – Юля чуть не подавилась хлебом. Откашлявшись, отправила в рот последний кусок и по-деловому

отряхнула руки.

– Вот это да!

У нее, у девчонки, дух захватывало от плывущих под потолком парусников, висящих на стенах стягов с гербами и гобеленов с батальными сценами. Особенно Юлю поразили выстроившиеся на полу, как на поле боя, солдатики двух разных армий. Высотой чуть ли не в две ладони, они сурово смотрели на противника, вложив в луки стрелы, вытащив мечи или наострив копыя. Их командиры скакали на диких вепрях с клыками-саблями, или восседали на драконах с огромными крыльями, а некоторые уверенно натягивали узду оленей, чьи рога были столь велики, что напоминали раскидистое дерево, сбросившее листву.

Мир, живущий своей жизнью на огромном ковре с вышитыми оврагами и пролесками, был такой же фэнтезийный, как и тот, что окружал Юлю в реальности.

Налюбовавшись мальчишескими игрушками, походив среди стройных рядов воинов, Юля заметила стоящие в углу копыя. Некоторые были такой длины, что запросто могли служить основой для ее сушилки, если только положить их на спинки двух стульев.

Выбрав самое удобное, которое оказалось дровком для небольшого стяга, Юля осторожно потащила его в сторону коридора. И уже у самого выхода задела фрегат, стоящий на книжном шкафу. Он с грохотом рухнул на пол, подмяв под себя замок одной из игрушечных армий.

– Черт, черт, черт!

Совсем непросто оказалось выпутать пику из кучи сло- манных мачт, поникших парусов и запутанных снастей. При- шлось как следует ее дернуть. Пика хоть и вылезла, но поте- ряла в сражении с парусником свой флажок.

Посмотрев на рухлядь, в которую превратился фрегат, Юля решила убрать его с глаз долой.

Когда она подняла пузатое брюхо корабля, который ока- зался тяжелее, чем она ожидала, что-то подозрительно сдви- нулось внутри и с металлическим стуком ударилось о борт.

– А вдруг там пиратские сокровища?!

Заразно находиться в игровой. Поневоле становишься лю- бопытным ребенком.

Юля присмотрела кресло, где ей было бы удобно поковы- ряться в корабельном нутре, но, на ее беду, она не заметила, что наступила на мачту, которая тащилась на тонкой верев- ке. Это привело к окончательной катастрофе.

Вставая с пола и потирая ушибленный локоть, Юля с со- жалением посмотрела на обломки некогда красивого парус- ника.

– Конец тебе, кораблик, – прошептала Юлька. Он стал та- ким плоским, что теперь легко мог поместиться под шкаф, стоило лишь подпихнуть его ногой.

И никаких сокровищ в его брюхе не оказалось. Лишь небольшая книжица в кожаном переплете с металлическими углами. От удара она распахнулась, явив исписанные круп-

ным почерком страницы.

– Дневник? Да ну? Точно! Посмотрим-посмотрим!

Юля, забыв о пике для сушилки, ждущем в кадучке мокром белье и о том, что читать чужие дневники нехорошо, забралась в пыльное кресло с ногами и открыла первую страницу.

«Стихи о героях», – прочла она и вздохнула. Корявые вирши заняли чуть ли не половину дневника. Видимо, их автором был тот самый мальчишка, чью одежду донашивала Юля.

«Мой папа герой,
Он за меня горой!
Когда я буду большой,
Тоже буду герой!»

Остальное в том же духе.

– Мда... – Юля уже хотела было сунуть дневник туда же, где нашел свою последнюю гавань кораблик, но наткнулась на интересное сообщение.

«Опыты по разрыву пространства».

– Ага. Вот сейчас мне откроются все тайны.

Но глупый мальчишка никого не собирался просвещать. Сухая констатация фактов.

«Тренировался на простынях.

Изрубил их игрушечным мечом.

Был порот».

– Я бы за стихи уже выпорола, – позлорадствовала Юля и перевернула страницу.

«Играл с дочкой кухарки в разбойников и леди.

Чувствовал себя взрослым, когда Кирста позволила поцеловать ее.

Ощутил напряжение внизу живота.

Был взволнован.

Побежал посмотреть в зеркало.

Там все опухло.

Испугался.

От страха, что так все и останется, захотелось помочиться.

Не нашел ничего лучшего, чем справить нужду в горшок с какими-то цветами.

Опухоль тут же прошла.

Успокоился.

Но чуть позже, когда (цитирую) «выращенные с таким трудом цветы болотного ягодника» завяли, был порот.

Теперь боюсь думать о дочке кухарки. Вдруг опять все начнется?»

– Боже! Какой дурак! – Юля прижала пальцы ко рту. Ее губы разъехались в улыбке.

Новое сообщение повергло в еще больший шок.

«Через месяц рассказал о своих страхах стражнику Курену.

Тот не стал смеяться.

Научил, как снимать опухоль.

Теперь пользуюсь этим часто. Как только подумаю о Кирсте».

– Черт! Сколько ему было лет?

«Опять играли в разбойников и леди.

Обнаружил, что у дочери кухарки выросли сиськи. Она сама показала. Трогал.

Было приятно. Там опять все опухло.

Рассказал о своей опухоли Кирсте. Пожаловался, что больно. И штаны вроде как стали малы.

Дочка кухарки сказала, что знает, как от нее избавиться. Видела, как мамка помогала кузнецу. Правда потом папка ее бил.

Потом кузнец бил папку.

Но не в этом суть.

Сначала мне было противно. Но потом понравилось.

Кирсте тоже.

Наверно».

– Они что, переспали?!

«Вечером кухарка пришла к моему отцу. Плакала. Он дал ей денег.

Перед сном меня выпороли.

Утром узнал, что кухарка уехала с семьей в город.

Кузнец запил.

Вывод: лучше избавляться от опухоли так, как научил стражник Курен.

Эффект тот же, но зато потом никто не бьет. Женщины зло».

Новая страница и новая история.

«Курен рассказал о природе «стояка». Так странно называется моя болезнь.

Стражник переубедил, что его метод избавления от опухоли не единственно верный.

Вечером ходили в трактир.

Впервые попробовал кремвиль.

Не могу быть до конца уверенным, что происходящее далее не было сном, но откуда я могу знать такие слова как «милорд, сунь ей»?

Теперь все болит. Но не так как прежде».

«После обеда стражник Курен пришел навестить. Посоветовал приложить бутылку со льдом. Сказал, что я герой. Далее последовала фраза, над которой до сих пор думаю.

«Забабахал трижды. Уважаю. Я так уже не могу».

Что бы это значило?»

Через страницу продолжение размышлений не мальчика, но мужа.

«Был серьезный разговор с отцом. Вызвали лекаря. Тот сказал, что ничего страшного. Назначил примочки.

Курена перевели в другую часть, а ко мне приставили занудливого дядьку. И имя у него противное. Мосе.

Теперь я все знаю о женщинах и о себе. Но рассказывал Мосе об этом скучно, сыпал научными фразами. Обещал,

что года через два ко мне, как и ко всякому юному лорду, приведут опытную женщину, которая научит искусству любви.

Я согласился подождать.

Вечером нашептал над бутылкой кремвиля снотворное заклинание, убедился, что Мосе уснул, и сбежал в трактир.

Меня там признали.

Опять забабахал три раза.

В этот раз обошлось без льда и примочек.

Вот что значит опыт».

– А потом его отправили в академию.

От неожиданности Юлька взвизгнула, но увидев, что в соседнее кресло опустилась Тиль Грасси, перевела дух. Но руку с груди, где бешено колотилось сердце, все-таки не сняла.

«Пусть будет так, – Юля для верности еще и глаза закрыла. – Может быть, увидев, как я испугалась, Тень не станет меня упрекать за неприличное любопытство».

Но вслух все-таки спросила:

– Кого «его»?

– Изегера. Мужа твоего.

Глава 9. Убить, чтобы выжить

– Да что вы все заладили?! Жена, жена! Не было никакой свадьбы. И милорд мне совсем не муж, – Юлька обиженно нахмурила лоб. – Я всего лишь этот проклятый кулончик померила.

Тиль Грасси устало вздохнула.

– Милая, мы же уже все обговорили...

– Да помню я, что обещала прожить ЭТУ жизнь здесь, пока ТАМ лежу в коме. Но мне непонятно, как я оказалась чьей-то женой против воли? Ведь ни я, ни милорд этому браку не рады.

– Джулия, что ты знаешь о странах?

Через час с небольшим Юля поняла, как сильно попала. Она уже ненавидела «кулончик», который сделал такой странный выбор. И выхода у нее из этого положения всего два: родить ребенка или умереть. Ни того, ни другого она делать не собиралась, а потому упала перед Тиль на колени и умоляюще прошептала (поскольку голос отказал):

– А может, есть какой-нибудь другой вариант? Третий?

– Может и есть. Но о нем знает только сильнейший маг Агрида. У нас его называют Магистр. Нужно на его имя сделать запрос.

– Это не тот ли самый мастер, чьего приезда ждут через три дня?

– Наверяд ли он самолично приедет, – с сомнением показала головой Тень. – Скорее всего, придет письмо.

– И хорошо бы мне первой знать, что он присоветует милорду, – Юля выразительно посмотрела на Тиль Грасси.

– Нет, и не проси. Не пойду я шпионить против собственного внука!

Сказала, как отрезала.

Увидев, как сильно расстроилась девочка, погладила ее по понурой голове.

– Пойдем-ка я тебя со своей свекровью познакомлю. Она прожила гораздо дольше меня, а потому что-нибудь да подскажет.

На второй этаж вела мраморная лестница, заканчивающаяся длинным коридором.

Юля нерешительно остановилась, поскольку из ближайшей комнаты доносился металлический лязг, словно там шел тренировочный бой, и нерадивый ученик стучал мечом по разным поверхностям. Слышался звон стекла, падали предметы, и кто-то ругался, поминая Валааха.

Но стоило Тиль кашлянуть, как стук прекратился.

Войдя в комнату, Юля не увидела ни ученика, ни разбитого стекла, ни самого меча.

У окна стояла огромная кровать, куда ее Тень и подвела.

– Поприветствуй, – подсказала она, подтолкнув Юлю в спину.

– Здравствуйте, – Юлька пожалела, что не узнала, как зо-

вут свекровь из рода Пьющих Кровь. – Как ваше здоровье?

Старуха весьма злобного вида, восседая в гнезде из вороха подушек, ткнула Юлю в грудь клюкой.

– Девочка, одетая как мальчик, ты не хочешь рожать?

– Нет, – Юля обернулась на Тиль. Та кивком подала сигнал «Продолжай!». – Я от нелюбимого мужчины ребенка не хочу.

– И умирать не желаешь?

– Нет, не желаю.

– Тогда убей его!

– Кого? – в один голос произнесли Юлия и Тиль Грасси. У последней в глазах за клубилась тьма и волосы встали дыбом.

– Мужа своего. Вдовы стронов не носят.

– Но... Но как я могу?

– Или ты его, или он тебя. Или рожать.

– Но, дорогая свекровь, – голос Тиль дрожал, – на нашем родовом амулете появится несмываемое пятно крови.

– Не появится, – авторитетно заявила «дорогая свекровь», отрицательно потрянув головой, венчающей огромное тело. Балахон, скрывающий и большой живот, и многочисленные складки, завязывался под подбородком шелковыми лентами и был искусно расшит бисером, но все равно мало походил на платье. Две небольшие ступни с толстыми пальцами-колбасками невольно привлекали взгляд. – Если он сам на себя руки наложит – не появится.

– Но ты предлагаешь довести до самоубийства собствен-

ного правнука...

– Вот именно, – старуха в раздражении стукнула клюкой по стоящей на прикроватной тумбе вазе. Та тонко и обиженно отозвалась. – Ты, Тиль, как была дурой, такой и осталась. Сколько раз твой любимый Изегер навестил нас? А?

– Э-э-э...

– Ни разу с тех пор, как вернулся из академии! Ни почтения, ни полагающегося подношения. Видите ли, у него беда! Сбежал со свадьбы Валаах знает куда, потерял там строн, семьдесят лет кутил, гулял, дрался, и ни разу не вспомнил о нас! А теперь девчонка ему не угодна! Лицом не вышла! Нет, чтобы к нам прийти, спросить, как миром дело решить, жене советует «убейся!».

– Да! – поддержала праведный гнев старухи Юля. Хоть и вселяла прабабушка ужас, но она была первым человеком, так категорично вставшим на ее сторону. Если, конечно, ее можно назвать человеком.

«Дорогая свекровь» от поддержки еще больше распалилась и несколько раз ткнула клюкой Юльке в лоб, видимо для того, чтобы та накрепко запомнила то, что ей сейчас скажут:

– Да пусть лучше сам убьется, раз не понимает, какое чудо ему досталось!

– Я ч-ч-чудо? – Юлька запнулась, не в силах постичь грандиозность замысла. Ей, неумехе без капли способностей, предлагали довести мага до белого каления! Который и так едва сдерживается, чтобы не придушить неуютную жену.

– В ночи видишь?

– Да.

– С Тенями разговариваешь?

– Ну, да...

– Значит, не простого роду-племени.

– Она сирота, – подсказала Тиль. – Отца своего не знает.

– Вот и хорошо. Пусть Изегер продолжает думать, что его жена пустышка.

– Подождите, – Юля чуть ли не плакала. – Я ничего не понимаю!

– А тут и понимать нечего, – старуха оторвалась от подушек и пристально посмотрела в глаза девочки в мальчишеской одежде. – В тебе магия живет. Иначе строн тебя бы не принял. И тем более не начал бы делиться знаниями. Вот наша Тиль из рода Убивающих Взглядом, значит, чуть погодя и ты освоишь ее магию. Потом придет черед моей.

– Пьющей Кровь?! – от перспективы замочить мужа, выпив его досуха, у Юли закружилась голова.

– Это ты ее гадостям учишь? – старуха строго посмотрела на сноху. Тиль опустила глаза. – Нет, я не Пьющая Кровь. Что я, комар болотный, что ли? Бери выше! Я из рода Непобедимого Гестиха!

– Что-то подобное я уже слышала. Слуги говорили, кажется...

– Так еще называют меч, воткнутый в деревянную колоду в лаборатории Изегера, – подсказала Тиль Грасси.

– А! Я на нем труссы сушила!

Старуха чуть не сожгла Юлю взглядом.

– Против этого меча невозможно выстоять. Но своих он не трогает. А потому, даже если Изегер кинется на тебя с мечом, ничего у него не получится. Гестих доведет своего хозяина до изнеможения, будет попадать не туда, валиться из рук, но и царапины на жене лорда не оставит. Можешь смело вызывать Изегера на бой.

– Я?! На бой?! – Юля сделала шаг назад, чтобы сверлящая ее глазами старуха не дотянулась до нее клюкой. – К-к-как я могу? Я ничего в руках тяжелее биты не держала.

– Что такое бита? – по-деловому поинтересовалась прабабушка.

– Палка такая. Чтобы мячик отбить, – Юля изобразила пружинистое приседание и замах несуществующей битой.

– Палка тоже пойдет. При желании ты сможешь мужа как следует отходить и палкой.

– Дорогая свекровь, но это будет такой удар по самолюбию мальчика! – Тиль умоляюще скрестила ладони на груди. – Изегер не переживет позора!

– Во-о-т! Главное слово. Не переживет! Что и требуется для освобождения девчонки! Еще раз напоминаю – вдовы строн не носят! – старуха засмеялась. И смех ее был такой же ужасный, как и она сама. Большая, рыхлая, с короткими руками и заплывшей шеей.

– Но это чересчур кардинально как-то! – Юля все еще со-

мневалась, сумеет ли она переступить через себя и довести человека до самоубийства.

– Девочка, или ты, или тебя! – отрезала прабабушка Изегера. – Действуй!

Когда она убедилась, что девочка в мальчишеской одежде вместе с Тиль ушли, глухо рассмеялась.

– А как еще заставить молодых посмотреть друг на друга? Прислушаться, понять и, может быть, даже полюбить? Мордашка-то у девочки прехорошенькая.

Старуха повернулась на другой бок, заботливо уложила рядом с собой клюку, погладила ее. Клюка покрылась белевой дымкой и через мгновение превратилась в призрачную копию меча непобедимого Гестиха.

– Э-эх, глупцы! Так и сидели бы по разным углам, если бы не прабабушка.

– Нет, но как я смогу? Приду и крикну: «Выходи на бой!»? – Юля спускалась по лестнице, не глядя под ноги. Она все еще переживала последние слова новой знакомой. – Да милорд же со смеха умрет!

– Тоже хороший вариант, – кивнула Тень. – И палкой махать не надо.

Тиль Грасси была какой-то задумчивой. Стучала пальцем по губам и не сразу отвечала.

– Вам бы все шутить. А я буду чувствовать себя убийцей.

– Во сне все можно. Ты же помнишь, что находишься в коме?

Юльке крыть было нечем.

– Не переживай, милая! – обняла ее Тиль. – Как-нибудь все уладится.

– Вот бы знать еще, что ответит Магистр, – Юля лелеяла мысль, что наверняка найдется еще один способ избавиться от страна. Думать о том, чем она будет заниматься в незнакомом мире, обретя свободу, пока не хотелось. «Как-нибудь все уладится».

Тиль растворилась в воздухе, а Юлька, вспомнив о мокром белье, поплелась в игровую комнату за пикой.

– Картора, я не понимаю, почему ты натравливаешь девочку на Изегера, – Тиль стояла перед кроватью, сжав кулачки. Ее лицо было как-никогда мертвенно-бледным.

Свекровь медленно повернулась. Даже будучи Тенью, она не могла себе позволить бегать по лестницам, как стройная сноха. При переходе в небесные чертоги ничего не изменяется. Ни внешность, ни характер.

– Я даю им возможность взглянуть друг на друга по-другому, – старуха с трудом села, подложила подушку под бок. – Могу поспорить на свою клюку, что Изегер не подозревает, что его жена обладает магией.

– Так я сбегаю, подскажу ему...

– Не смей. Неизвестно, чем это обернется. Может, Изегер, узнав, что стран щедро делится с девчонкой знаниями рода, насильно консуммирует брак. А девочка? Ты о ней подумала? Или ты хочешь повторения судьбы Илии?

– Ну, Илия сама виновата. Могла бы жить ради Изегера. Так нет, надо было наложить на себя руки!

– У тебя она всегда будет виноватой. А то, что твой сын, потеряв всякий стыд, даже не скрывал своих любовниц, доставляя девочке, которая, кстати, была в него влюблена, душевную боль, это ты в расчет не берешь?

– Мало кому из нас досталась любовь мужей. В договорных браках она как выигрыш в игре на деньги. Скорее останешься голым, чем повезет сорвать куш.

– Я смогла. И эта девочка сможет.

Тиль Грасси хмыкнула.

– И не криви лицо, – строго произнесла старуха. – Да, я никогда не была красивой, но во мне жил огонь, который притягивал мужчин, как сахар пчел. И я вижу этот огонь в девчонке, одетой как мальчик. Кстати, почему ты до сих пор не подобрала ей платье?

– Джулия – сорванец, бегающий по крепостной стене и прыгающий словно дикая обезьяна. Она еще более нелепо будет смотреться в платье.

Картора немного помолчала.

– Может быть, даже хорошо, что она не носит женскую одежду. Это тоже привлечет к ней внимание.

Тиль присела на краешек кровати. Старуха подвинулась и перекинула одну из подушек снохе.

– Картора, как ты думаешь, откуда в девочке магия? Ведь она с Земли, где нет даже зачатков. Мне кажется, именно

поэтому строн не принял первую жену Изегера. Ту самую, которую он так долго искал.

– Кто знает, кто знает... – задумчиво произнесла старуха. – Сколько в нашем мире бастардов, кому досталась от отца хоть какая-то магия? Глядишь, один из них, как и наш Изегер, добрался до далекого мира.

– Почему именно бастард? Вторые-третьи сыновья тоже, как правило, не у дел. Ни строна, ни средств к существованию.

– Если бы отцом Джулии был чистокровный маг, его дар уже проснулся бы в ней. А так... Ты же видишь, что там нет ничего серьезного.

Старуха поигралась с клюкой как с мечом.

Тиль улыбнулась. Она вспомнила семейную байку, которую любили рассказывать на всяком торжестве. Молодая Картора, которая была когда-то стройной и стремительной, завоевала любовь будущего мужа именно тем, что положив его в кровавом поединке на обе лопатки, заставила просить пощады. И руки.

Доспехи свекрови до сих пор хранились где-то в подвале. Тиль даже не забыла, как выглядит выгравированный на нагруднике кирасы герб рода Непобедимого Гестиха – два скрещенных меча, овитых колючей лозой.

Картора постарела, стала Тенью, но до сих пор колюча, как та лоза...

– Да, наш Изегер сглупил....

– Это ты о чем?

– Действительно, – хмыкнула старуха, – о чем это я? Вся его жизнь сплошная глупость. А последняя в том, что он отправил девочку в дом, где живут Тени. Знал бы, что она маг и может нас видеть, сто раз бы подумал.

– А наша жизнь так и текла бы в размышлениях о прошлом...

Глава 10. Камень на сердце Магистра

Магистр сидел в театральной ложе, вот уже без малого сотню лет принадлежащей ему лично. Она уступала размерами лишь ложе короля. Но к чему сильнейшему магу Агрида большая? Не в пример Элькассару Третьему из рода Оживляющих, у него нет семьи. Да и не положена она тому, кто не имеет права передавать свои знания по наследству.

Баргир Син из рода Читающих Мысли, помнил минуту слабости, когда ревел от отчаяния и кидался на стены словно дикий зверь, узнав, что избран следующим Магистром. Звание весьма почетное, но обрекающее на пожизненное одиночество. А он уже строил планы, что возьмет в жены Картору из рода Непобедимого Гестиха. И пусть неукротимая дева любила другого, а кому как не Читающему Мысли знать об этом, но род Син был более древним, чем у Ханноров, а потому отказать ему не посмели бы...

Уже давно Картора стала Тенью, сгинули где-то в чужих мирах ее муж и сын, правнук остался без строна, лишив род последней надежды, а Баргир все еще живет.

Смолкла музыка. В зале раздались восторженные крики и хлопки. Танцовщица, исполняющая главную роль, лучезарно улыбаясь, кланялась.

Магистр оторопело оглянулся. Королевская ложа уже опустела.

«И зачем я хожу в театр, если не смотрю на сцену?»

Надев на голову шапочку без полей, такую крохотную, что едва закрывала макушку, с трудом поднялся. Строны, задев друг друга, звякнули.

Скоро к ним прибавится еще один.

«Надо бы поторопить Дэйте передать строн покойного отца, – подумал Магистр, оправляя красный балахон, заменяющий и камзол, и плащ. – Вот ведь как бывает: старший сын лорда Витро погиб, следом ушел второй, даже не успев поносить строн, а дочь так и не вышла замуж. Вбила себе в голову, что Изегер должен быть ее, и не отступается. И чем эти Ханноры берут женщин?»

Если бы не значимость зерен саара для магического мира, Магистр отказался бы принимать еще один строн. И так тяжело. А если вспомнить мучительную боль привыкания к каждому новому амулету тех родов, что остались без наследников-мужчин, так и вовсе становится тоскливо. Благо род Растящих Саар не такой древний и относится к крестьянским, а значит, боль лютовать будет недолго. Всего лишь с неделю потерпеть. Это тебе не строн Ходящих по Воде, когда полгода выл в своей башне и плакал кровавыми слезами.

Когда-нибудь Магистр передаст все амулеты своему преемнику, и уже тот станет корчиться, надевая их на свою шею по одному. Если, конечно, король не проявит милость и не

вознаградит свободным стрonom какого-нибудь отличившегося бастарда. Правда, редко Его Величество позволяет себе такой широкий жест. Поскольку сам в любой момент может безболезненно воспользоваться любым из амулетов, хранителем коих и является Магистр.

«На то он и король. Это я живу, непомерный груз на шее таская, а он захотел – надел, захотел – снял. Без боли, без привыкания».

Откинув тяжелую портьеру, что закрывала вход в его ложе, Магистр прищурился от яркого света.

«И зачем столько магических ламп навесили? Не жалеют свои силы. Глупцы. А потом скулить будут, что на жизнь Тенью не хватает, не отложили должного количества магии, поскольку за государство радели. А на кой государству столько света в театре?»

– Слышал, Ильда Гер любовницей короля стала! – шептались где-то в соседней ложе.

– Не может быть! Она же недавно замуж вышла за бастарда из рода Говорящих с Травami.

– Так ее сам Элькассар отдал, пообещав бастарду строн, если тот глаза на их связь закроет.

– Стал бы король такой сложный ход делать ради танцовщицы, пусть и первой в королевстве. Других полно. Вон у Гарции и ноги красивее, и движения, как у лебедя.

– Сердцу не прикажешь.

– И кем бастард теперь сделался? Какой род возродили?

– Опьяняющих Голосом.

– Иди ты? И зачем танцовщице чудесный голос?

– Ногами долго не подрыгаешь, зерна саара не по карману, а петь можно до старости. Ильда о ней и думает. Знает, что король недолго ее в фаворитках продержит. Сам говоришь, у Гарции и ноги красивее, и...

Магистр кашлянул.

За портьерой затихли.

«Мда... Значит, прежняя фаворитка Элькассара получила отставку, – шаг Магистра стал резвее, словно подслушанное известие прибавило сил. – Надо бы с ней поговорить».

Нет, ничего компрометирующего короля Баргир спрашивать не станет, а вот мысли у обиженной женщины почитает. Там гораздо больше интересного можно найти. Главное, вопросы правильные задавать.

– Милорд, гонец отказывается уходить.

Магистр непонимающе уставился на слугу, замершего у дверей.

– Гонец лорда Ханнора, – подсказал слуга. – Ему приказано ответа дожидаться.

– Хорошо, – Магистр поморщился, словно у него болела голова, – определите ему комнату в стражницкой.

«Вот же эти Ханноры, – Баргир швырнул распечатанный конверт к прочим бумагам. Вложенный в него листок выскользнул и замер на краешке стола. – Упрямые, наглые».

Хлопнул ладонями, погасив разом все свечи в кабинете. В темноте думалось легче.

– Значит, строн вернулся... – Магистр с силой надавил зубами на большой палец. Боль действовала отрезвляюще. Забытая с годами ненависть поднялась удушающей волной. Не забыть ему торжествующей улыбки прежнего лорда Ханнора, когда король объявил, кто будет следующим Магистром. И его взгляд на зардевшуюся вдруг Картору. Так ли нужна была она прадеду Изегера или просто хотелось утереть нос ему, последнему из рода Читающих Мысли? И ведь поставил крепкий блок, чтобы Баргир никогда не узнал, кто посоветовал королю его кандидатуру.

Но Баргир узнал.

Разве мог лорд Ханнор догадываться, что король в порыве страсти выложит фаворитке тайные сведения? Вроде бы и не такие опасные, а наоборот, могущие вызвать лишь благодарность к тому, кто подвинул мага на такую высокую ступень, где жизнь отмеривается веками, а не годами. Но... Но если бы не Картора.

– Ты уничтожил мои мечты, я развею в пыль мечты твоего внука. Прикажу, чтобы признал безродную! Пусть она родит ему недоумка, пусть род Ханноров утратит свои позиции, скатившись как можно ниже! – Магистр рассмеялся словно безумный. Уж кому как не ему знать, насколько горяч и горделив Изегер. Да он скорее заставит девчонку наложить на себя руки, чем положит в постель рядом с собой. И это

тоже мед на жаждущее мести сердце. – А мы потом ему в вину поставим, что не уберег жену, что допустил ее смерть намеренно! Уж я-то теперь знаю, чей милый ротик напоет опасные мысли королю...

Магистр закружился по комнате в каком-то странном танце. Его балахон раздувался колоколом, цеплялся за книжные полки и ручки кресел. Строны звенели, их цепи путались между собой. Верчение юлой вызвало воздушный поток, который смел со стола послание от Изегера и зашвырнул листок куда-то далеко под шкафы.

– А лучше бы из него сделать убийцу! – от такой страшной мысли Магистр замер на месте. Поднял вверх руку и потряс скрюченным годами пальцем. – И тогда придет конец роду Рвущих Пространство. Кто захочет надеть строн, испоганенный смертью?

Зажглись все свечи разом, и маг кинулся к столу. Схватил перо, вывел нужные слова.

– Позовите гонца, пусть едет назад.

И уже передав конверт и немного успокоившись, Магистр сел в кресло. Побарабанил пальцами по подлокотнику, воскрешая в памяти услышанную в театре мелодию.

– Ты хотел, чтобы все узнали, что строн у тебя, и ты готов прибыть ко двору? Никто не узнает, – улыбка растянула его тонкие, бледные от прожитых лет, губы. – Сгниешь на границе.

Поискав глазами конверт, вызвавший столь сильную бу-

рю чувств, Магистр с особым сладострастием испепелил его. Лишь на миг усомнился, а было ли послание Изегера в конверте? Поворошил документы в стопке, заглянул под стол. И успокоился.

«Даже если бы письмо уцелело, кто бы рискнул рыться в моих бумагах?»

Магистр был уверен, что страх перед сильнейшим магом Агрида любого удержит от необдуманных поступков.

По ночной столице шел человек, укутанный в черный плащ. И только тихое позвякивание магических амулетов, что были надежно укрыты под одеждой, могло выдать в нем мага. Но кому придет в голову, что у Сытой реки появился сам Магистр?

Река носила такое странное название не зря. Ее воды были сыты ошметками заклинаний да остатками зелий, что у каждого мага в большом количестве накапливались в лаборатории. Веками в реку сливали бочки с испорченной водой, а потому люди, живущие вдоль ее берегов, насыщались магией. Исковерканной, неправильной, несущей вред.

Выросших на такой воде колдунов пытались выселить, убрать подальше от источника магии, но они словно звери зарывались в норы, еще больше дичая и уже намеренно творя зло. Бывало, что королевская служба, ответственная за искоренение вредных отечеству колдунов, выжигала пещеры и заваливала ходы в надежде, что никто уже не выберет-

ся, сгинет без света и воздуха, но Сытый император – властитель отверженных всего Агрида, умело уходил от преследования и вновь собирал вокруг себя подданных. Поговаривали, что он наперед знал, когда придут королевские воины, но открыть имя предателя не удалось даже самому лорду Цессиру из рода Меняющих Лики. А уж о его возможностях шпионажа прослышали даже дикари с островов Каменных истуканов.

– Астримб, – коротко кинул Магистр и открывший ему дверь малый, узрев условный знак – сложенные крестом пальцы, понимающе кивнул.

Молча спускались они по грубо высеченной из камня лестнице. Может быть, и насчитывала та лестница тысячу ступеней, как под горой Валаах, но кости рискнувших спуститься так глубоко лизал вовсе не жар, а жуткий холод.

Малый, остановившись у одной из дверей пещеры, дождался, когда ночной гость войдет внутрь, и растворился в темноте.

Человек, сидящий на возвышении, укрытом дурно пахнущими шкурами, не поднялся навстречу Магистру, хотя узнал его сразу.

Сейчас сильнейший маг Агрида сам пришел к нему, бывшему червю, а потому пусть взирает на Сытого императора снизу. А вот когда у Астримба возникнет нужда в помощи Магистра, тогда и он пораскинет мозгами, согнуть спину или нет.

– Я понял, – Астримб провел рукой по лысой голове, на которой вдруг выступила испарина. И это здесь, глубоко под рекой, где и летом изо рта шел пар. Слишком уж опасна была просьба Магистра. – Сделаем.

– И чтобы ни одна душа, – предупредил главный маг, у которого шея затекла смотреть на Сытого императора, восседающего на троне из шкур. – Вот плата.

На грязный пол упал увесистый мешочек. В нем что-то глухо звякнуло.

Астримб сноровисто скатился с тронной горы и наклониться, чтобы поднять кошель.

Магистр брезгливо посмотрел на влажно поблескивающий череп колдуна.

«Будет пададь знать свое место».

В свете чадающих факелов, которые разгоняли свет только у «трона», оставив углы пещеры в черной, какой-то вязкой темноте, Сытый император вывалил на ладонь содержимое мешка.

– Здесь только деньги, – он поднял изуродованное шрамами лицо. Магистр был намного выше Астримба, отчего тот чувствовал себя еще более уязвленным. – Ты обещал строн Вожделения.

– Получишь после выполнения заказа, – Магистр скривился от отвращения. Изо рта императора пахло так же гадко, как и от его шкур.

Тот же молчаливый малый вывел Магистра наверх. С реки

несло гниющей рыбой и отбросами, но этот воздух показался Баргиру морским бризом.

Строн Вожделения попал к Магистру совершенно случайно. Он не значился ни в одном реестре родов Агрида, а потому Баргир Син владел им тайно. Когда-то он на собственной шкуре испытал его действие и теперь точно знал, что строн Вожделения превратит любое чудовище в прекрасного принца. Люди просто не будут видеть истинной сущности носителя.

Как позже выяснилось, строн призвал один из Магистров-предшественников Баргира, который вычитал в Книге Веков, что всякий Магистр способен вернуть чужой родовой амулет, стоит лишь провести сложную магическую манипуляцию с начертанием колдовских символов и окроплением их кровью девственницы.

Баргир интересовался судьбой того Магистра и раскопал, что его постигла безвременная кончина по причине полного магического истощения. Ему даже на Тень магии не хватило, и экспериментатор так и не дождался возвращения амулета рода Дарящих Вожделение.

А вот Баргиру «повезло».

Магистр закрыл глаза, вспоминая тот страшный день. Амулет вернулся в Агрид на шее иноземки через тысячу лет после его утери и в тот самый момент, когда Баргир находился в своих покоях, готовясь отойти ко сну.

Ведьма из далекого мира, в руки которой попал строн в

виде двух извивающихся в страсти фигур, не нашла ничего лучшего, чем надеть его на себя.

Сила амулета была столь велика, что Баргир, не ведая того, что перед ним лишь морок, а не пленительная красавица, потерял над собой контроль. Магистр настолько сильно ее вожделем, что не выпускал из своих объятий три дня и три ночи. И оторвался лишь потому, что наступил предел его мужской мощи.

Оставив красавицу лежащей на кровати, Магистр ползком добрался до кабинета и отыскал «Списки забытых родов», где к своему ужасу и обнаружил значение амулета, висящего на груди незнакомки.

Когда он вернулся, женщина была уже мертва, а потому строн легко снялся.

Никогда и никому Магистр не откроет свой секрет. Он до сих пор с содроганием вспоминает изборожденное морщинами лицо ведьмы из мира Кре-Кру, после смерти явившей свой истинный лик. Она, ветхая телом от прожитых лет, умерла, не вынеся неистовых ласк любовника.

И теперь Магистр, выторговав услугу у Сытого императора, даже не думал рассказывать ему о крови на строне. Амулет рода Дарящих Вожделение навсегда сохранит в своей памяти смерть своего последнего носителя – старой ведьмы, которую чрезмерной жадной страсти нечаянно убил Баргир Син.

«Род Сытого императора итак проклят. Астримб и не по-

чувствует, что за строном прячется смерть».

Глава 11. Банный день

– Милорд, вы заметили, что лицо вашей жены уже не зеленое?

– Не называй ее моей женой. Не дай Шаагиль, кто-нибудь услышит, – Изегер принял из рук Круста простыню, завернулся в нее и потопал, оставляя мокрые следы на каменном полу. Над лоханью, в которой легко поместилась бы семья из пяти человек, все еще стоял пар.

Слуга поспешил следом. Войдя в комнату, достал из шкафа шкатулку, где хранились хозяйские гребни и кожаные ремешки для волос. Вытащил из ножен кинжал, которым Изегер брился последние годы, обходясь без цирюльника, откупорил бутылку с кровеостанавливающим зельем.

Заметив приготовления Круста, лорд посмотрелся в зеркало, потрогал отросшую за три дня щетину, запустил пальтерню в спутанные кудри.

– Позови брадобрея.

Увидев, как слуга улыбается, убирая на место кинжал, Изегер нахмурился. Потыкал пальцем синяк.

– Пусть сделает примочку на мою рожу.

В коридоре слышался металлический лязг, и через мгновение в зеркале отразился запыхавшийся глава охраны.

– Милорд, вы видели, что у вашей жены зелень с лица сошла? Как такое могло случиться? И четырех дней не про-

шло! – Галло Кулак знал, о чем говорил. В пограничном отряде частенько подшучивали над новобранцами, угощая кремвилем, а потом целую неделю потешались над их зелеными усами.

Изегер и сам только что, натирая мочалкой тело, на котором после недавней схватки с урийцами отливали многоцветьем синяки, предавался размышлениям относительно чудесного «исцеления» девчонки. Увидев ее у фонтана, он сразу заметил в ней какую-то странность, но почему-то не сообразил, в чем именно она заключается. В тот момент его больше беспокоило, как бы Дэйте не признала родовой амулет, висящий на чужой шее.

Хоть и пылало лицо «жены» от усиленных занятий, и пот некрасивыми пятнами портил рубаху, Изегер не мог не отметить, что выглядела она гораздо моложе Дэйте. Была какой-то свежей, легкой...

– Кулак, не называй девчонку моей женой. Она недолго ею пробудет, если об этом услышит леди Витро.

Лорд Ханнор скинул простыню, нимало не смущаясь, что его голый зад видят присутствующие мужчины. Галло и Круст привычно отвели глаза. Изегер сноровисто натянул приготовленные штаны, звякнул пряжкой ремня. Через зеркало засек, что старый вояка прячет в усах улыбку.

Галло тоже не сомневался, что вечная невеста милорда способна придушить девчонку. Но Изегер не настолько кро-

вожаден, чтобы дождаться такой развязки. Еще неизвестно, что лучше: терпеть чужачку в замке или подвергнуться атаке решительной Дэйте, которая только и ждет возвращения страна.

– А по поводу сошедшей зелени, я уверен, здесь дело в бочке из моей лаборатории, – Изегер поправил ворот. Свежая рубаха приятно льнула к телу. Но на ум неожиданно пришла та, батистовая, в которой спала негодная жена. Лорд Ханнор до сих пор недоумевал, почему не отдал ее стирать.

– А ведь точно! – хлопнул перчаткой по бедру Кулак. – Девчонка искупалась в застоявшейся воде! Знал, что остаточная магия никому не пойдет на пользу, но не думал, что она так быстро подействует на иномирянку! Я бы сам под страхом смерти к этой воде не прикоснулся.

– Мое упущение, – покачал головой Круст, поднимая с пола мокрую простыню. – Надо бы почаще воду менять.

– Надо бы.

Слуга подобострастно заглянул хозяину в глаза.

– Как все-таки хорошо, милорд, что вы отослали жену! Еще пару раз залезла бы в бочку и колдовать научилась бы.

– Не так быстро. Чтобы стать колдуньей, ей нужно в этой бочке поселиться. Лет на десять, – в голосе Изегера уже звучало недовольство, но присутствующие в комнате не относили его к себе.

– Тоже хороший выход из положения, – хохотнул Галло,

присаживаясь на поручень кресла. – Сделаем из девчонки ведьму, а потом сдадим ее людям лорда Цессира. Говорят, у него в тюрьме есть комната со стенами из красного камня, где из колдунов высасывают всю вредоносную магию, а потом заряжают ею боевые амулеты.

– Милорду еще десять лет ждать? – возмутился Круст, заметив, что у Изегера дернулся глаз. – Лучше уж нашептать Дэйте. Никто не осудит лорда, если он откажется жениться на убийце своей жены.

– Можно еще и траур на годик объявить, – охотно подхватил идею Кулак. – Скорбь мужчины по любимой и безвременно ушедшей жене – это так трогает женские души! А у вас, мой лорд, будет время приглядеться к новым кандидатам на ваше страдающее сердце.

– Ой, а до чего, говорят, младшая дочь короля хороша! – Круст закатил от восторга глаза. – И всего-то ей семнадцать. Телом бела, фигурой представительна.

В ход пошли руки, обрисовывающие пышные формы.

– Ты приведешь цирюльника или мне самому пойти? – Изегер грозно свел брови, и след Круста простыл.

Галло, моментально придя в себя, тоже поспешил прочь. Он спиной чувствовал, что милорд провожает его напряженным взглядом. Ругая себя на все лады за болтливый язык, глава охраны саданул кулаком по расслабленно стоящему на посту воину. Тот побледнел и вытянулся в струнку.

Юлька тоже намывалась. С каждым днем вода станови-

лась холоднее – осень вступала в свои права, но приходилось пользоваться тем, что имеется. Юлия как-то попыталась через мальчишку передать, что хорошо бы натаскать горячей воды, но тот, ярко заалев ушами, кинулся прочь с такой прытью, что забыл забрать посуду.

– Ух! Ах! – взвизгивала Юля, поливая себя из ковшика. Синие пупырышки на коже соперничали по яркости с вновь проявившимися зелеными пятнами. Юлька недоумевающе уставилась на руку. – Да что же это такое? Ведь еще утром зелени не было. Ну вот! Я опять словно лягушка.

– А чего ты хотела? – в «купальню» вошла Тиль Грасси. Нисколько не смущаясь, уселась на стул с дыркой, под которым стоял горшок. Конечно, никакой нужды справлять она не собиралась, поскольку по-прежнему оставалась Тенью, но так она меньше занимала места в и без того тесном помещении. – Если ты испачкалась в кремвиле, то зеленый цвет исчезнет только через неделю. Всем известная истина.

– Но еще утром пятен не было! И когда ходили к вашей свекрови, я тоже не выглядела как десантник в разведке.

– Не может такого быть, – категорично произнесла Тень. – От пятен кремвиля нет способа избавиться. Только переждать, когда они сами сойдут.

Замерзшая Юля поспешно вытиралась полотенцем.

– Но вы же сами видели, что я была нормальная! – она чуть не плакала, переживая, что кома взялась-таки за ее мозг. «Клетки потихоньку отмирают, вот и мерещится вся-

кое».

– Открою тебе секрет, – Тиль перешла на заговорщицкий тон, – Тени не различают цветов. Была ты зеленой или красной, мы и не заметим. Наше зрение ограничивается черно-белой палитрой. Вот, к примеру, я помню, что мой любимый пенюар – розовый, и он необыкновенно хорошо идет к моим голубым глазам и пшеничным локонам, поэтому и предпочитаю день изо дня надевать именно его.

Юля печально выдохнула.

– О! – вскинулась она через мгновение. – Вспомнила! Меня видел милорд в парке и еще дюжина воинов на крепостной стене.

– И они в один голос кричали, как ты прекрасна без пятен кремвия?

– Нет... Только смотрели вслед...

Тиль Грасси поднялась и обняла расстроенную Юльку.

– Ты еще и холодная как лягушка.

Опустив руку в воду, Тень нахмурилась.

– Почему ты купаешься в ледяной воде?

– Другой нет. И я не знаю, где у вас тут баня. Или хотя бы место, где можно было бы разжечь костерок и вскипятить чайник.

– Баня? Тебе достаточно окунуть амулет в воду, и она нагреется.

– Вот этот? – Юля потянула за цепочку строна.

– Нет, есть специальные, которые применяются в хозяй-

стве. Их продают в каждой лавке.

– Знать бы, где находится та лавка. И где взять деньги на хозяйство. У меня, кроме этого кольца, ничего нет, – Юля, чтобы не привлекать внимание, еще до распития кремвиля повернула кольцо камнем внутрь. Сейчас же продемонстрировала его во всей красе.

– Оно изумительное, – Тиль оценила блеск бриллианта. – Я думаю, за такое ты сможешь купить всю лавку и соседний трактир в придачу. Откуда у тебя это кольцо?

– Жених подарил... Там, на Земле. Но стоит ли мне его продавать? Когда выйду из комы, вдруг он спросит, куда я дела его подарок?

– Милая, ты уж определись: ты в коме или в Агриде. Одно другого никак не касается.

– А! Я же рискую только в том случае, если окажусь реальной попаданкой, – «успокоила» себя Юля. Она читала фэнтези и знала, какая участь ждет тех, кого перенесло в сказочный мир: попаданцы никогда не возвращались назад. А если она в коме, то кольцо наверняка уже у хозяина. Поэтому ей не стоит волноваться. – Где тут у вас лавка с чудесными медальонами?

– Амулетами, – поправила ее Тиль. – Лавки на большом тракте. Но туда лучше идти с утра. И надень, пожалуйста, шляпу с большими полями, чтобы никто из местных крестьян не догадался, что под мужской одеждой скрывается девочка. Иначе и наподдать могут.

– А может, мне сразу вырядиться в платье какой-нибудь служанки?

– Пойдешь воровать чужое с веревки? – Тень как-то по-особому взглянула на собеседницу. С интересом. Явно не ожидала, что в ее подопечной настолько сильно развита авантюрная жилка. Или может, они с Карторой разбудили вулкан порока? – А если попадешься? У нас с воровками не церемонятся. Десять палок для первого раза. Даже если ты находишься в коме, будет больно. Ты же чувствуешь холодную воду? Значит, и боль почувствуешь. Нет, лучше иди в штанах или в одном из моих платьев, – увидев, что Юля поморщилась, Тень обиженно поджала губы. Она гордилась своими нарядами. Да, они немножко устарели, но все же оставались произведениями искусства. – А впрочем, поступай, как знаешь.

– Меня там не обманут? И будет ли у лавочника столько денег? – Юля опять повертела кистью, на которой сверкнул драгоценный камень.

– Куда это ты ее отправляешь? – в купальне разом стало тесно. Опираясь на клюку, в помещение втиснулась Пьющая Кровь. – За пределы замка? В лавку к этому прохвосту?

– Здравствуйте, бабушка, – Юля присела в корявом реверансе. Отсутствие достаточного места и сползающее полотно не позволили сделать приветствие более изящным.

– Ясноокая Афарина! В кои века вы покинули свою кровать! – Тиль от умиления всплеснула руками.

– Грасси, не сбивай меня с мысли! – старуха пыхтела. Юля торопливо отодвинула лохань, чтобы прабабушка милорда опустила на приступок. Та грузно осела, и сложив ладони на набалдашнике клюки, вперилась взглядом в покрасневшую от неловкости Юльку. – Негоже жене Изегера идти без сопровождения. Ты, Тиль, сама с ней пойдешь. И не смейте продавать чужое кольцо! В доме есть чем поживиться.

– А десять ударов палкой за воровство? – забеспокоилась Юля, вспоминая украшенные камнями фолианты, золотые наконечники пик и прочие богатства, хранящиеся в игровой комнате. Быть битой ей не хотелось. Больно и стыдно. Стыдно больше.

– А кто сказал, что придется воровать? У меня есть личные сбережения.

– Что ты, Картора, такое говоришь? Как мы сможем что-либо дать живым? Вот, Джулия, смотри, – Тиль потянулась к своему уху и вытащила изящную сережку. В полупрозрачном предмете угадывалась целая гроздь драгоценных камней, которые, увы, совсем не блестели, сохраняя лишь свои очертания. – Какой тебе толк будет от этого украшения? Ни на себя надеть, ни продать.

– Глупая! – старуха ударила клюкой Тиль по руке, и милая вещица скатилась на пол. Сноха с криком «Мои любимые!» суетливо опустила на колени, но Пьющая Кровь и бровью не повела. – У меня есть записка, которую я сделала при жизни. Так и думала, что в лихие времена она пригодится.

– А у нас настали лихие времена? – Тиль нашла сережку и вдела в ухо.

– А ты как думаешь? – взгляд старухи был до того тяжел, что заставил Юлю засомневаться, не принадлежит ли и она к Убивающим Взглядом. – Твой внук наверняка объявил, что вновь обрел строн, а значит, в замок непременно наведаются как друзья, так и недруги. Роду Ханноров предстоят нелегкие испытания. Поэтому в лавку ты пойдешь вместе с женой Изегера, и выберешь все необходимое для девочки. И кое-что закажешь. Список я подготовила.

Откуда-то из глубин балахона появилась скрученная, словно папирус, бумага, такая же полупрозрачная, как и обе женщины.

– А деньги-то где взять? – Тиль Грасси пробежалась глазами по длинному списку, задержав взгляд на некоторых его пунктах, которые явно вызвали удивление. Брови Тени то взлетали вверх, то ломаной линией сбегались к носу.

– Ты помнишь, где хранятся мои латы?

Тиль кивнула.

– Там же в подвале есть черные доспехи моего мужа. Черные. Запомнила?

Сноха кивнула.

– В них найдешь все, что нужно.

Видя, что старуха желает подняться, Юля протянула ей руку. Пальцы Карторы оказались ледяными. Юля удивилась,

ведь объятия Тиль не вызывали озноба. Ее прикосновения были, если так можно выразиться, комнатной температуры.

– Да, девочка. Мне недолго осталось, – старуха переступила через порог. – Магия на исходе, – и, уже не обращаясь ни к кому из присутствующих, с досадой добавила: – А правнук так и не пришел навестить.

Глава 12. Тайна прадедовского гульфика

В подвале было сухо. Пахло пылью и железом. Хотя у входа и торчали загодя заготовленные факелы, зажигать их не стали. К чему свет, если обе путешественницы и так прекрасно ориентировались в темноте?

Юля заметила, что ее дар Видящей набирает силу. Она, не зажигая свечу, свободно читала даже самый мелкий шрифт. Книги в изобилии хранились в игровой комнате, и Юля не отказывала себе в привычке почитать перед сном. Ей, чужестранке, трудно было оценить полезность хранящейся в книгах информации, и почти невозможно отделить правду от вымысла. Взять, к примеру, «Сказки Древнего Агрида». В этих историях, как и в мифах Древней Греции, герои бились с различными чудищами, и Юлька сильно надеялась, что ни один из описанных монстров на самом деле не существует.

Гобелены, развешенные по стенам подвала, испугали и заставили засомневаться. На них все чаще встречались изображения крылатых ящеров, демонов с тяжелыми рогами и неведомых животных, чьи головы усеивали безобразные наросты.

Тиль заметила, как Юлю передернуло у одного из таких «портретов».

– Не бойся, у нас они не водятся. Это жители других миров. Мы, как представители Рвущих Пространство, должны знать, как справиться с аборигенами, если нас закинет на их родину. Запомни, вот эту уродливую кратиру нужно бить между третьей и четвертой складкой на шее, – Тиль показала пальцем на то место на гобелене, в которое должно быть не раз тыкали пикой, поскольку на ткани зияла дыра. – Тогда гадина задохнется и упадет бесформенной тушей.

Кратиру напоминала безобидного земного Ждуна, губы которого были собраны в гусиную гузку. Словно он собирался поцеловать взасос.

– Не смотри, что кратиру кажется неповоротливой. Нужно быть умелым бойцом, чтобы опередить ее.

– Засосет насмерть? – Юлька решила пошутить. Ну как еще мог убить добродушный Ждун с оттопыренными губами?

– Нет. Вытянет душу. От тебя останется лишь безумная оболочка. Страшная смерть, – вздохнула Тиль.

– А вот это бхарид, – с тканного полотна на Юлю смотрел прекрасный юноша. «Просто обалденный» – такое определение как нельзя лучше подходило к ангелоподобному существу. Юлька даже подошла поближе, поддавшись его завораживающему взгляду.

– Бхариду нужно бить сразу в глаз, – Тень тоже глупо улыбалась, любясь тщательно выписанным профилем «чудовища». – Иначе не заметишь, как забеременеешь дюжиной

обворожительных детенышей. Те женщины, что не устояли против обаяния самца, превратились в наседок, рожаящих чуть ли не каждый год. Но говорят, секс с ним прекрасен, и ради этого стоит пожертвовать долгой жизнью.

– И каждый раз дюжина детей? – Юля даже не сомневалась: встретить она бхариды, ее тело определенно выступило бы в роли предателя. Его лик всего лишь выткан на полотне, а внизу живота уже все сладко обмирает. – Хорошо, что в Агриде они не водятся.

– Да, хорошо, – подтвердила с тихим вздохом Тиль. От чего-то Юле показалось, что в нем сквозило сожаление. – Рвать пространства – опасное дело. Особенно для женщины. Неизвестно в какой мир попадешь. Монстры могут быть как ужасны, так и весьма привлекательны. Да.

Произнеся это, Тиль Грасси до хруста сжала «папирус», где двадцать третьим пунктом значилось: «Показать девочке гобелены с иномирцами. Дабы ей не взбрело в голову рвать пространства, когда она освоит и эту магию. А она освоит и попытается вернуться на Землю. Я знаю».

Список содержал целый ряд наставлений, которые Юле не стоило читать, поскольку они предназначались Тиль Грасси. И сноха знала, к чему такая настойчивость: Картора боялась не успеть. Ей совсем скоро предстояло покинуть мир живых, и она переживала за правнука, который оказался таким разгильдяем.

– А вот и доспехи свекра, – Тень показала на застывшего

на коне рыцаря в полном облачении. Фигура огромного жеребца поражала своими размерами.

Юля обошла постамент, открыв от удивления рот.

– Конь выглядит как живой.

– Он и есть живой, – Тень ласково погладила мохнатую морду. – Шторм спит. Свекор пропал в иных мирах вместе с моим мужем, а потому мы усыпили тех, кто был им дорог. Мы с Карторой долго надеялись, что наши мужчины вернуться...

– Как это, живой?!

Тиль Грасси тронула сбрую, и Юля увидела, что к ней прикреплен диск из двуцветного сплава, на котором золотое светило и серебряный месяц срослись друг с другом как сиамские близнецы.

– Род Спящих берет за свои амулеты огромные деньги, но оно того стоит, – голос Тиль был грустен. – Особенно если в твоём сердце живет надежда. Стоит разъединить Тариллу и Лурус, и конь оживет, словно и не проспал столько лет...

«Тарилла и Лурус – так вот как называются местные солнце и луна», – подумала Юля, а вслух произнесла совсем иное: – Вы любили своего мужа?

Она помнила наставления Тени относительно брачных ночей, но сейчас ей не казалось, что Тиль Грасси была против походов мужа в ее спальню.

– Сначала нет, потом да. Я до сих пор ношу амулет Обожания, – Тиль вытащила из-под кружевного ворота неболь-

шой медальон, который с щелчком открыла. На помещенном внутри портрете угадывалось лицо с характерными чертами нынешнего лорда Ханнора. Глаза, нос, высокий лоб...

– А если такой амулет снять...

– Я не знаю, что будет. Может быть, и не перестану любить. Все-таки Гарсий не был плохим мужем. Но с Обожанием надежнее. Когда-нибудь и ты захочешь такой.

– Чтобы обмануть саму себя? – ответила Юля и тут же спохватилась: – Ох, извините.

Тиль поцеловала медальон и спрятала его в ворохе кружев.

– Обман порой так сладок...

– А у Карторы тоже есть амулет Обожания?

– Нет, ей повезло. Интересы родов Рвущих Пространство и Непобедимого Гестиха совпали с желанием влюбленных, – Тиль Грасси опять вздохнула. Юля не знала, как выразить свое сочувствие, поэтому по-дружески обняла ее. Тень грустно улыбнулась.

Дом сотряс громкий стук.

Юлька взвизгнула от неожиданности.

– Не пугайся. Это Пьющая Кровь напоминает нам, зачем мы спустились в подвал. Когда-нибудь я отниму у нее клюку.

Деньги – монеты величиной с ноготь большого пальца, нашлись через час упорного перетряхивания всех деталей боевой амуниции. Тайник оказался в неожиданном месте – в металлическом гильфике рыцаря. Юля поразилась размерам

этой металлической части ровно так же, как до этого обмирала от размеров жеребца.

– Монеты старинные, – Тиль высыпала их на ладонь, не обращая внимания на покрасневшую Юльку, невольно вспомнившую голого Изегера. – Не чета современным. Картора знала, что припрятать. Они сейчас в высокой цене.

Аккуратно ссыпав деньги в мешочек, передала его Юле.

– Все! Теперь спать. Завтра нас ждет...

– Шопинг, – с улыбкой до ушей выпалила Юлька и тут же пояснила: – Поход по магазинам.

Такое занятие любую женщину взбодрит. Даже если она в коме или в неведомом мире.

– Красивое слово. Ш-ш-шоп-п-пинг, – пропела бабушка милорда. Дом сотрясла череда ударов. – Да идем мы, идем!

– Ой, а это что? – Юля остановилась перед сверкающими рыцарскими доспехами. Они сплошь были украшены какими-то письменами и рунами. Шлем венчал ирокезский гребень, конец которого густым хвостом падал за спину. По сравнению с прадедовской амуницией, доспехи выглядели изящными, словно были сделаны для ребенка.

– Они принадлежали Карторе, – Тиль указательным пальцем погладила вырезанный на груди герб в виде двух скрещенных мечей. – Правда, трудно представить, что она когда-то была столь миниатюрной?

Юля стояла, открыв рот.

– Красотища...

– Хочешь примерить? Вы чем-то с Карторой даже похожи.

– Боюсь, у меня случится приступ клаустрофобии. Меня однажды на МРТ послали, так я не выдержала. Кричала до тех пор, пока не выбралась на свободу.

– Эмэртэ – это тоже доспехи?

– Ну, типа того...

Юлька проснулась рано. Еще не встало местное солнце. Но Тарилла и не думала показываться, потому как за окном стадом длинношерстных овец плыли тяжелые тучи. Дождь с упорством барабанщика лупил по жестяным навесам и вместе с ветром, гудящим в камине, исполнял заунывную партию «Тоски». В названии их оперы ударение следовало ставить на вторую гласную.

«Интересно, а зимой здесь холодно? – лениво размышляла Юля, кутая озябшие ноги в одеяло. – Может, пора запастись дровами? Или попросить, чтобы на эти столбы натянули полог?»

Из исторических фильмов она знала, что кроватные балдахины сохраняли хоть какое-то тепло, а мужчины и женщины надевали на ночь длинные до пят рубашки и ночные колпаки.

«Да что говорить, в Англии испокон веков спальни были холодными. Ничего, и я как-нибудь перезимую».

Подумала и тут же отругала себя, поскольку «как-нибудь перезимовывать» не хотела.

«Пора бы врачам озаботиться моим состоянием. Мама, наверное, уже приехала в Турцию и сидит у моей кровати. Держит меня за руку. А вторую – на своем животе. Ей ведь нервничать нельзя».

Юлька заплакала, жалея себя, маму и ее еще неродившегося ребенка.

– Кто здесь мочит слезами подушку? – Тиль Грасси склонилась над кроватью и поцеловала страдальицу в лоб. Эта нечаянная ласка вызвала еще больший водопад слез, чередующийся всхлипываниями и причитаниями. – Ну что ты, девочка?

Тень прижала Юлю к себе. Она баюкала ее, похлопывая ладонью по спине, но ничего не помогало. Юлькины подвывания вписались в оперную партию ветра и дождя.

«Она там... а я... а у нее ребеночек будет... а я...»

Тогда Тиль запела. Голос ее был неожиданно молод и силен.

Тильри-дум-дум-дум, скачет к нам король,

Тильри-дум-дум-дум, волосы как смоль,

А глаза как синь, губы алые,

Но не любит он. Нежеланна я...

Ему б к той бежать, что нежна как ночь,

От нее иметь сына или дочь.

Но не может он жену вы-би-рать,

Не на ту он строн будет надевать.

Тильри-дум-дум-дум, скачет наш король,

Тильри-дум-дум-дум, волосы как смоль...

– И ваш король тоже не может жениться по любви?

В памяти Юли всплыл образ милорда. Волосы как смоль, губы алые...

– Такая привилегия, должно быть, дана только нищим. Остальные подчиняются сговору родителей.

– Но как же без любви? – Юля во все заплаканные глаза смотрела на Тиль, ждала от нее ответа. На Земле такая привилегия была дана чуть ли не каждому, но и там Юле не повезло. Сговор родителей стал определяющим. Неужели и здесь ей не любить?

– Амулет Обожания. Многие через него утешение находят. Или в детях.

Помолчали, размышляя каждая о своем.

За окном запела какая-то птица, давая всем живущим в крепости понять, что дождь кончился. Ветер покинул каминные трубы и, опьяненный свободой, прошелся по верхушкам деревьев. Сорвал пожелтевшие листья и как мальчишка, играющий в кораблики, погнал их по лужам.

На заднем дворе загоготали гуси и вперевалочку отправились к наполненному едой корыту. Там уже восседал находившийся петух, обиженный на прячущееся за тучами солнце и ту птаху, что опередила его.

– Прос-пал! Прос-пал! – прокричал ему красноперый креклик и кинулся вниз, чтобы ухватить когтями прячущуюся в траве мышь.

Петух, встряхнув огромным гребнем, покосился на красавца-пересмешника и мстительно клюнул в зад кошку, прячущуюся за корытом в надежде придушить какого-нибудь гусенка. Ее злобный вой спугнул мышь, и креклик остался ни с чем.

– Доброе ут-ро! – пропел петух.

– Шопинг, шопинг! – радостно захлопала в ладони Тиль, заставив улыбнуться Юльку. – У нас сегодня шопинг!

– Доброе ут-ро! – еще раз прокричал петух.

И окончательно разбудил Изегера.

Лорд приподнял простыню и, полюбовавшись на круглый зад Эрдис, притянул ее к себе.

День начался.

Глава 13. Такое разное утро

– Где она сейчас? – лорд Ханнор разбил золотой ложечкой скорлупу утинового яйца.

– Надела чудную шляпу и идет в сторону деревни, – Круст подал салфетку, и Изегер промокнул губы. – Все-таки не зря вы назвали ее безумной.

– Что такое? – лорд не донес до рта дрожащий на ложке белок.

– Безумная и есть. Все время разговаривает сама с собой, машет руками, – слуга налил в опустевший бокал молока. – А может, и пьяная. Я приказал запирать подвалы с кремви-лем.

Яйцо некрасивым пятном плюхнулось на хозяйскую грудь.

– С чего ты взял, что девчонка пьяна?

– Ее лицо опять зеленое. С утра, видать, набралась.

– За ней кто-нибудь следует? – беспокойство клубочком скрутилось в районе желудка.

– Зачем? – Круст в удивлении поднял брови. – Если найдет приключения на свою... кхм... пусть это случится без нашего участия.

В помещение ввалился Галло, сел, тяжело дыша, за стол.

– Я это... – Кулак с отвращением посмотрел на протяну-тый Крустом бокал молока, но все же взял, – ...приставил к

девчонке человека. Мало ли. Вдруг ненароком обидит кто...

– Ты правильно поступил, – кивнул Изегер, смахивая салфеткой с белоснежной рубахи кляксу яичного белка. Круст услужливо пододвинул тарелку с дымящимся бульоном из нежнейшей косули. Запах специй возбуждал аппетит.

– ...и не дай Шаагиль, – продолжил Кулак, сглатывая голодную слюну, – если кто-нибудь чужой снимет с убиенной девчонки строн. Ищи-свищи амулет потом...

– Ах, тррух! Ягудова бездна! – Изегер взвился над столом. Круст упал на колени и начал дуть на то место, куда милорд опрокинул кипящий суп.

Галло застыл с открытым ртом.

– Пошли все вон!!! – взвыл лорд Ханнор, отталкивая слугу, а вместе с ним и огромный стол. – Ах ты ж, заррухова стынь!..

Последующие ругательства поглотил грохот бьющейся посуды и покотившихся по полу серебряных тарелок.

Стража сунула в дверной проем сначала пики, потом носы. Мечущий молнии взгляд командира заставил спрятать носы и пики назад. Из помещения на полусогнутых ногах вылетел Круст, следом, стараясь сохранить достоинство, Кулак. Но вспотевшему от напряжения воину сохранять лицо удавалось плохо. Штаны Галло во второй раз с момента появления девчонки в замке отведали угощения с хозяйского стола. С ткани нехотя сползала льебужская икра, и отвратительным коричневым пятном растекался саханский соус.

– Чего я такого сказал? – обескураженно спросил глава охраны. Круст, хватаясь за сердце, махнул рукой.

– Видать, милорд за строн испугался. Действительно, где его искать, когда какой-нибудь бродяга девчонку пристукнет? Продадут, конечно, но кому? А вдруг к леди Витро в руки попадет? Она и спрашивать не станет, сразу женой лорда себя объявит.

– Э, вона как все сложно! Хорошо, что я подсуетился, – Кулак снял со стены щит и, прикрываясь им, отправился в караульное крыло. Переодеваться.

Изегер метался по лаборатории, словно в агонии после укуса ядовитой змеи. Колбы бились, несмешиваемые ингредиенты зелий смешивались, создавая при этом причудливые цвета и запахи, в воздухе скручивались ошметки магии, а вода в бочке почернела и бурлила так, словно под ней развели огонь. Казалось, все вокруг пришло в движение, лишь меч непобедимого Гестиха сохранял спокойствие, равнодушно отражая в начищенном до блеска клинке перекошенное лицо хозяина.

Нет, лорда Ханнора не беспокоила боль, хоть кипящий бульон едва не окатил его мужское достоинство. Изегера мучила ненависть к самому себе.

Как?! Как такое возможно, что он постоянно думает о девчонке? Почему равнодушен к ее судьбе? Почему переживает за нее? Она же никчемная!

И не сказать, что привлекает его как женщина... Худая,

мелкая, зеленая...

Но почему, почему стоит подумать о ней, как в сознании всплывает ее влажный взгляд загнанной косули?

– Какой косули?! – яростно оборвал себя Изегер. – Козы! У нее влажный взгляд козы!

Но от этой поправки не стало легче.

Он, сам того не желая, запомнил тепло и легкость девичьего тела.

Зачем, зачем он поднял ее, плачущую, на руки и перенес на кровать?

Изегер ошалело посмотрел на свои ладони. Сунул их в бочку, но лишь испачкал рубаху. Легче не стало.

«И запах, – в мозг ударило ароматом ее духов. – Тррух! Как же она пахла!»

Нет, боль – это хорошо! Боль заставляет прийти в себя. Не нужна девчонка ему, не нужна! И не пойдет он за ней за ворота. Пусть катится, куда хочет. Нарвется на кулак бездельника из ближайшего трактира, сама будет виновата.

– Заррухова стынь!

Ненависть к себе опять навалилась удушливой волной, но пальцы сложились в привычную фигуру и губы зашептали то, что давно получается без меча или еще какого-либо режущего оружия.

«Разверзись!»

И пространство, подчиняясь родовой магии, треснуло. В воздухе повисла сверкающая нить, которая начала ширить-

ся и расти, словно кто-то острым лезвием полоснул ткань, и теперь она расходилась, чтобы он, маг из рода Рвущих Пространство, шагнул в открывшийся портал.

– Милорд! – двери вдруг распахнулись. – Милорд, беда!

Если бы Изегер не взял себя в руки, сейчас молоденький стражник лежал бы убитый взглядом.

Росчерк ладони по воздуху, и портал исчез.

– Что случилось?

– Восточная стена обвалилась. Есть погибшие.

– Лекарь уже там?

– Нет, ушел в деревню роды принимать.

Изегер не стал переодеваться. В грязных штанах, расстегнутой рубашке, которая за спиной раздувалась парусом, бежал он следом за стражником, напряженно вслушиваясь, как воет какая-то женщина, как перекрикиваются люди, как бряцает оружие воинов, спешащих к стене.

– Пики, пики захватите! – зычно крикнул Изегер. Сейчас только длинные древки с остриями на концах не хуже кованой решетки могли бы послужить запором для зияющей дыры.

«Урийцы не станут ждать, когда пограничники восстановят стену, сегодня же ночью пойдут в атаку. Тррух с ней, с драгоценной магией!»

Изегер был уверен, что ее пойдет немало, но он густо накидает защитные заклинания на острия пик, вставленных в пролом. Ему нельзя допустить урийцев в крепость. Он не хо-

чет оплакивать своих людей. Каждый из них – от главы стражи Галло Кулака до посудомойки Сапуни, важен ему и дорог. Они поддерживали его в минуты отчаяния, не боялись встать плечом к плечу, когда в горы приходила беда, делились коркой хлеба и глотком воды, когда крепость была в длительной осаде. Он... он знал имена их детей...

«Дай Шаагиль, на пиках заслон продержится, а там придумаю что-нибудь. Из города каменщиков выпишу. Пусть кладку укрепят».

И совсем не вовремя сердце лизнула радость, что девчонка ушла в деревню. Бегала бы как вчера по стене, лежала бы сейчас рядом с погибшими, придавленными тысячелетними валунами.

Цирюльник уже суетился над каким-то раненым. Слабых магических сил бастарда пятого поколения едва хватало на обезболивание. Но и это помощь.

Юлька бодро шагала по лужам. Сапожки, найденные в шкафу, надежно защищали и от воды, и от холода. Следом семенила Тиль. По случаю шопинга она приделась: кружевной пеньюар заменило платье. Без украшений и рюш, но такой длины, что, не будь оно прозрачным, собрало бы подолом всю дорожную грязь.

– Куда ты так летишь? – Тиль по привычке все-таки подхватила юбку и показала стройные ноги, обутые в легкие туфли. – Подожди!

Юля остановилась. Ветер, не такой сильный, как ночью, попытался сорвать с головы шляпу, но Юлька решительным жестом пресекла всякие поползновения на свою собственность – натянула ее до ушей и получила укоризненный взгляд от Тиль. Уже второй с утра. Первый выразил недовольство, когда юная подруга решительно содрала все искусственные цветы и подрезала поля головного убора, некогда принадлежащего бабушке милорда.

– Ну кто так носит! Сейчас ты похожа на пастуха! Штаны, сапоги...

– Самое то! – весело откликнулась Юля и подставила локоть, в который тут же вцепилась Тень. – Чем стремнее я выгляжу, тем труднее будет заподозрить, что я жена милорда.

– Стремнее? Что за слово такое?

– Наше, земное.

– Ты бы строн за ворот сунула. Мало кто знает о его ценности, но охотники поживиться амулетами всегда найдутся. Вон, смотри, какой-то всадник с тебя глаз не спускает...

– Так это всего лишь мальчишка. Наверное, мамка в магазин за хлебом послала, – Юля улыбнулась мальцу, издали похожему на того, что приносил ей еду. Тот, заметив, что на него смотрит «незнакомый пастушок», пятками стукнул по бокам лошади и поскакал в сторону «магазинов».

Юля узнала их по кричащим вывескам и болтающемуся на виду специализированному товару – реклама и здесь работала исправно. Как объяснила Тиль, все жители поселка,

что расположился у внешней части крепостной стены, ходили отовариваться именно сюда, в самую большую деревню, стоящую на перепутье трех дорог. По одной Юлька с Тенью как раз шли, другая, обогнув небольшой лесок, терялась в полях – то был путь в столицу, а третья, резко уходя за деревней направо, ныряла в туман, где в низине у озера находился замок какой-то леди Витро – продавщицы чудодейственных зерен, любящих повышенную влажность.

– Ох, тебе бы взглядеться в него хорошо, и тогда бы ты поняла, что не мальчишка он вовсе, – продолжала ворчать Тиль. Что ж, бабушкам положено ворчать. – Взрослый мужчина, просто ростом не вышел.

– Карлик? У нас их называют карликами.

– А у нас квалонами. Тому квалону на лошади годков поболее, чем тебе.

– Но поменее, чем вам?

Третий укоризненный взгляд Тиль погасил Юлькину улыбку, хотя хорошее настроение никуда не улетучилось, тем более что мешочек с монетами приятно оттягивал карман.

Весь путь до деревни Юлька не уставала восхищаться красотами и разнообразием здешней природы. Горы, леса, поля и пересекающая их дорога, змеей уползающая куда-то за горизонт.

Замок Ханноров стоял между двумя отрогами гор, и восточные крепостные стены надежно перекрывали тот уча-

сток реки Ягуд, где ее воды текли относительно спокойно. Как рассказала Тиль Грасси, перевал был единственным местом, где извечные враги королевства – урийцы, могли вплавь пробраться на территорию Агрида.

Выше по течению поток прыгал с камня на камень, и только безумец рискнул бы вступить в него, а ниже крепостной стены река вдруг обрывалась водопадом и скрывалась в глубоком ущелье, носящем название Ягудова бездна. Даже здесь, у деревни, был слышен мощный рокот падающих вод. Тиль пообещала, что они когда-нибудь туда сходят.

– Мы, Тени, можем перемещаться хоть по всему королевству, было бы желание живого человека таскать нас с собой.

– А где родители милорда?

«Ладно бездушный гордец не навещает своих бабушек, но почему этого не делают его родители?»

Тиль Грасси печально вздохнула.

– Мой сын и сноха уже покинули этот свет.

– Ох, простите.

– Тень сына наверняка обретается в столичном особняке. Он ни за что не выбрал бы горную крепость. А вот бедная Касси уже навсегда перебралась в небесный чертог. Она не смогла накопить достаточно магии, поскольку умерла молодой. Ее Тени едва хватило сил дотянуть до шестнадцатилетия Изегера.

– Ваша сноха болела? – Юлю впечатлили слова Тиль Грасси. Отчего-то она была уверена, что маги живут долго. А тут

у милорда – достаточно молодого мужчины, нет ни отца, ни матери.

– У нее было разбито сердце, – Тиль опустила глаза. – Мой сын его разбил. Касси от тоски наложила на себя проклятие смерти.

Юля закрыла ладонью рот. Ее глаза наполнились слезами. Тень похлопала юную подругу по плечу.

– Ну-ну, дорогая. Все хорошо. Очень важно, что Касси выполнила свое предназначение – дала жизнь наследнику рода Рвущих Пространство. И тебе не следует тянуть. Какая же упрямая эта Картора! Если бы не она, я давно нашептала бы своему внуку, что он глупец.

Слезы на глазах Юли моментально высохли.

– Но это я не хочу, чтобы он стал отцом моего ребенка. И очень довольна, что наши с милордом желания совпадают.

– Ну да, совпадают, – Тиль поджала губы. – Он желает тебе пойти и убиться.

– Шопинг-шопинг-шопинг! – Юля откинула грустные мысли. Она в восхищении смотрела на приближающиеся длинные ряды лавок, стоящих вдоль грязной, изрытой колесами и копытами, дороги. Над дверью ближайшей болтался сапог с вывернутым наружу мехом. – Зимой здесь холодно? Может, прикупим унты?

– Нет, – Тиль потянула в другую сторону. – Сегодня покупаем самое необходимое. До зимы еще дожить надо.

– Ага! Правильно, – Юлька едва не скакала. И если бы не

висящая на локте Тень, наверное, взлетела бы подобно воздушному шарикуну – так кружило голову предвкушение. Ну и конечно, свежий воздух, напоенный ароматами осени. – Зачем мне унты, когда совсем скоро я выйду из комы?

Тиль Грасси только вздохнула. Четвертый укоризненный взгляд Юлька пропустила.

Глава 14. Шопинг

– Дорогая, хочу еще раз тебе напомнить, – Тиль Грасси придержала Юлю, которая мыслями уже была там, на торговой улице, – мы существуем лишь для тех, в ком живет магия. Крестьяне и торговый люд хоть и пользуются амулетами и простенькими заклинаниями, никогда в жизни не видели ни одну Тень. А потому будь сдержанна. Не маши руками и не разговаривай со мной в открытую, иначе ты соберешь вокруг себя толпу зевак.

– Будем изъясняться знаками, – кивнула Юля. – Чтобы вас не услышали, вы будете тыкать в нужную вещь, а я...

– Меня не услышат. Простому человеку не дано. Поэтому выполняй в точности, что я скажу...

– Поняла-поняла! Ну побежали же! Шопинг начинается!

Первым магазином, куда привела Юлю Тиль Грасси, был, если можно так выразиться, модный салон.

– Вам в соседнюю лавку! – не совсем вежливо поприветствовала Юльку хозяйка модного дома, и тут же вернулась к прерванному занятию: она натягивала на деревянную куклу в человеческий рост бархатное фиолетовое платье.

– Я предупреждала, что в испорченной шляпе ты похожа на пастуха. Скажи ей, что хочешь купить несколько женских нарядов.

– Кхе-кхе! – Юля прокашлялась в кулак и противным го-

лосом, весьма отдаленно похожим на мужской, прогнувшись: – Мне бы это... пару платьев для сестры...

Тиль закатила глаза.

«Пастух» для верности стукнул по карману, где тяжело звякнули монеты, моментально меняя взгляд хозяйки на заинтересованный.

– В приданое? О, как раз мои мастерицы сшили вот это чудесное платье... – развернутая лицом к Юльке кукла посмотрела на нее нарисованными глазами. Ей явно не нравилось безвкусное платье, где тяжелая ткань соседствовала с легким кружевом. Хозяйка модной лавки не обратила внимания на печальный лик куклы и продолжила щебетать: – Пойдет на любой размер. Все дело в новомодной шнуровке на спине. Если нужно, я позову своих девочек, и вы выберете похожую на вашу сестру фигуру, чтобы убедиться, как ладно сидит этот чудесный наряд...

– Не надо девочек. Сестра – мой близнец.

– Да?.. – взгляд пробежался по щуплой фигуре и пузырящимся на коленках штанах. – Может, тогда примерим на вас? Снимите с головы это безобразие...

Юлька вцепилась в шляпу, которую уже ухватили проворные пальцы модистки.

– Нет! Я против! И вообще, мне это платье не нравится!

Только тут хозяйка разглядела, что у ее покупателя на лице и на руках зеленые пятна от кремвия.

– А! Так вы, должно быть, та самая... м-м-м... гостья из

замка лорда Ханнора, – она отступила на шаг, и взгляд ее сделался беспокойным.

Тиль тронула Юльку за рукав.

– О тебе уже наслышаны. И сейчас ты показала себя во всей красе. Зачем было менять голос? И придумывать сестру-близнеца? Теперь не отпирайся. Иначе ничего не продадут. Сделают вид, что лавка закрывается.

– Да, я та самая «м-м-м» из замка лорда. И хотела бы купить два платья, – скосив глаза на печальную куклу, которая жаждала избавиться от безвкусного наряда, Юля добавила: – На каждый день. А это для меня слишком...

– Стремное? – шепнула Тиль. Она гордилась своей подопечной, которая не повелась на кричащую вещь. Леди Ханнор положено носить более элегантные вещи.

– ...слишком навороченное. И кружева, и бархат. Мне бы чего попроще.

– Тогда вам не в мою лавку. Ступайте в самый конец улицы. Там продается простенькое. Для прислуги, – хозяйка была оскорблена, поэтому цедила слова. – А у меня только изысканные платья. Для невест и понимающих толк в моде. Сама леди Витро заказывает у меня наряды...

– Это та самая торговка зерном? – уточнила Юля, но неожиданно получила одновременно два убийственных выстрела глазами: от хозяйки салона и Тиль Грасси.

– Да как вы смеете? – взвизгнула женщина. – Слышала бы леди Витро!

– Молчи уже... – Тиль потянула Юльку к выходу.

– Да что я такого сказала? Она ведь на самом деле торгует зерном, я слышала...

– Вы... Вы сумасшедшая! Правду о вас говорят слуги из замка. Сидели бы уж под замком...

Юля оторвала от себя цепкие пальцы Тиль и решительно шагнула к хозяйке салона. И хоть женщина была на полголовы выше, она втянула разницу роста в плечи – настолько грозен был вид у ее посетительницы.

– Еще слово и я сожгу к чертям эту конуру!

Пламя на свечах, что горели под потолком на круглом ободе (похоже его сняли с пивной бочки), зашипело и дрогнуло. На хозяйку это подействовало лучше всяких слов. Она нырнула за прилавок и перестала дышать, в надежде, что безумная покупательница сочтет ее за мертвую и покинет лавку.

– Вы видели?! Класс! – воскликнула возбужденная Юлька, вывалившись с висящей на ее руке Тиль на улицу. – Кажется, у меня просыпается еще один дар! Я силой воли чуть не затушила все свечи! К какому роду такой дар относится? К Гасящим Взглядом? Огнеборцам?

Тень ущипнула Юлю за нос и тем заставила прийти в себя.

– Никаких Огнеборцев. Это я махнула подолом платья, чтобы спасти тебя. Пришлось чуть ли не выше головы его задрать. Видел бы нас мой внук, провалился бы сквозь землю.

У Юли загорелось лицо.

И вправду, чего это она сцепилась с той милой женщиной? Никогда никому не грубила, и на тебе. «Сожгу к чертям эту конуру».

– Ты куда? – Тиль не успела ухватить Юльку за локоть и теперь со страдальческим лицом наблюдала, как та вновь открывает двери лавки.

– Кхм-кхм... Есть кто?

В магазинчике было тихо. На Юлю с полок осуждающе пялились деревянные головы в шляпах, развешенные по стенам платья безжизненно опустили рукава. словно после недавнего дебоша покупательницы стеснялись самих себя.

Юлька зашла за прилавок. Женщина лежала на животе, уткнув лицо в кусок ткани.

«Дебоширка» присела на корточки и осторожно тронула плечо хозяйки. Спина той тут же закаменела.

– Извините меня, – произнесла Юля как можно миролюбивее. – Я, честное слово, не хотела никого обидеть. Я из другого мира, поэтому плохо ориентируюсь в вашем политическом устройстве и моде. У нас нет милордов и носят совсем другие фасоны.

– То, что надето на тебе, трудно назвать фасоном, – не поднимая головы произнесла хозяйка лавки.

– Я согласна. Но ничего другого у меня нет. Поэтому я и пришла к вам. А потом вспылила. Меня все сторонятся, предлагают убиться. Смотрят как на прокаженную. А я... Я хочу просто жить. Носить красивые платья, удобные туфли.

Не прятать под дурацкими шляпами лицо.

– Ну, с лицом, милочка, ничего не поделать, – женщина сноровисто поднялась. Отряхнула платье, которое, кстати, было премиленьким. Поправила выбившиеся локоны и... улыбнулась. – Над тобой, верно, люди Кулака подшутили? Ох, они такие забавники. Сына моего тоже так разыграли. Я ему чуть всю кожу не стерла, пытаюсь от пятен избавиться...

– Нет, никакого Кулака я не знаю. Я сама напилась этой сладенькой водички, а наутро вот...

– Надо было над бутылкой пошептать «Криб-круб», – засмеялась хозяйка. И смех ее был подобен перезвону колокольчиков. Юля тоже разулыбалась. И позволила снять с себя шляпу.

– Я не знала...

– Но и тогда я не советую тебе пить кремвиль, – хозяйка убрала волосы с Юлиного лба. Тепло заглянула ей в глаза и доверительно сообщила: – После заклинания он становится обжигающим. И очень крепким. Не зря ягоды кремвиля выращивают безумные маги.

– Не буду...

– А ты хорошенькая. И пятна скоро сойдут. И платье мы тебе подберем. Какое хочешь?

– А можно я нарисую?

Спустя час Юля и Хильда расстались если не подругами, то добрыми приятельницами. Через три-четыре дня можно будет забрать и готовые платья, сшитые по собственным эс-

кизам заказчицы, и подходящие по цвету и фасону туфли. Примерку сделали тут же, вызвав обувного мастера из лавки скорняка.

– А теперь куда? – Юля поправила новую шляпу. Скромную, украшенную тонкой лентой под цвет ее мальчишеского камзола. Эту же шляпу можно будет носить и с платьем, у которого вместо привычной местным дамам кружевной отделки задуман матросский воротник и пуговицы в ряд, для чего придется продырявить с дюжину монет мелкого достоинства. Хильда от этой идеи пришла в восторг.

Тиль Грасси поджала губы. Она была расстроена, что утратила первые позиции и как простое привидение провела этот час в углу.

– О, Тиль! – Юля поняла, что надо делать, чтобы сердце Тени оттаяло, поэтому крепко обняла ее. – Я такая счастливая! Теперь у меня есть не только две самые любимые бабушки, но и старшая подруга, которая может изменить мнение окружающих обо мне.

– Да, будущей матери наследника рода Ханноров подобает заботиться о своем положении в обществе, – одобрила Тиль и повела улыбающуюся Юльку в следующую лавку.

Здесь уже были посетители. Юля узнала одну из служанок, живущую в замке. Она рассматривала серьги, чьи камни волшебным образом переливались.

– Купи их, Эрди, – продавец замороженно смотрел на блеск камней. – Куда бы ты не пришла, взгляд от тебя отве-

сти не смогут.

– Дорого.

– Сама же говорила, что милорд тебе деньги дал. И за что он тебе так благодетельствует?..

Щеки Эрди заалели, она бросила быстрый взгляд на вошедшую Юльку и, узнав ее, сразу как-то преобразилась. Повела манерно плечами, небрежно откинула шикарную косу за спину, поднесла сережку к уху и улыбнулась сама себе в зеркале.

– Милорд мне доверяет. Никого кроме меня не пускает в свой кабинет. Вот на днях какое-то важное письмо из столицы пришло, так он даже не убрал его со стола. Не того я поля ягода, чтобы нос куда не следует совать. За это, должно быть, и платит...

– Знаю, за что он тебе платит. И вся наша деревня знает, – хохотнул продавец.

– Не слушай ее, – Тиль толкнула изменившуюся в лице Юльку. – Врет она все. Эрдис и читать-то не умеет, поэтому мой внук не считает нужным бумаги прятать. Никчемная она. И убирается плохо. После нее пыль с палец толщиной.

Но ничего этого Юлька уже не слышала. «Важное письмо из столицы пришло» – вот такие слова набатом стучали в голове.

«Неужели Магистр прислал ответ?»

– Пошли, – шепнула Юля Тени и, схватив ее за руку, потянула из лавки прочь.

Выскользнувшего на улицу «пастушка» проводили взглядами двое: злорадным Эрдис и задумчивым маленький человек – квалон, что присматривался к ножам, разложенным на столе в самом углу лавки. Продавец увлеченно пересчитывал монеты, которые, решившись купить серьги, выложила на прилавок Эрди.

«Милорд мой, – ревность сжигала ее. – И пусть об этом знает приживалка. И чего он ее терпит?»

– Давай я в коробочку серьги положу, – продавец отвлек Эрди от размышлений. – Не забывай выкладывать их под лучи Тариллы, иначе камни потускнеют, – и, поискав глазами заждавшегося покупателя, всполошился: – Э, а куда тот парнишка подевался? Эй, Сипитка, догони мальчика, спроси, чего он хотел.

Из-под прилавка вылез сонный мальчишка, но Эрдис придержала его.

– Пусть проваливает. И вовсе она не парнишка. Эта та самая безумная девка, о которой я в прошлый раз рассказывала. Вся в кремвиле, дуреха, извозилась.

– И откуда такая в наших краях? – продавец глянул в тусклое окошко. «Безумная девка» как раз размахивала руками.

– Никому не ведомо, – Эрди скривила лицо. – Но милорд отчего-то к ней милостив. Может, родственница какая?

– С чего ты взяла? – хозяину лавки было скучно. Покупателей нет, тот квалон не в счет. Уже битый час ножичек выбирает. Сипитка опять под прилавок залез свой сон досмат-

ривать. Отчего с лордовской любовницей не потрепаться?

– У нее на шее герб Ханноров болтается. На змее камня так и сверкают.

– Дорогая, кажись, вещица, – задумчиво произнес хозяин, лоя взгляд квалона, выбравшего, наконец, ножик.

– Поэтому в замке все думают, что она какая-то родственница. Ходит – бродит, но никому до нее дела нет. Даже самому лорду. Морока одна...

– Ты куда летишь? – Тиль Грасси пыталась остановить Юльку, но та словно таран, устремленный во вражеские ворота, упорно перла вперед. – Мы же хотели купить амулеты для горячей воды...

– Потом, потом! Сначала посетим ту лавку в конце улицы, о которой говорила Хильда.

– Зачем тебе платье для прислуги? – Тень с подозрением посмотрела на Юлю. – Что ты задумала?

– Ничего, – Юля сделала невинные глаза. – Как я поняла, ждать, пока их пошьют, не надо. Выбрал подходящий размер и разгуливай хоть по дому, хоть по улице. Лучше уж в платье прислуги, чем в штанах, верно? На шею косыночку надену или шарфик какой повяжу, и буду выглядеть вполне прилично.

– А я тебе покажу, где брошки лежат, – подхватила идею Тень, купившаяся на то, что девочка хочет выглядеть девочкой.

– Выберем какое-нибудь серенькое платье, немаркое, –

Юля тщательно фильтровала мысли, чтобы не сболтнуть лишнего. Незачем Тиль знать, что она задумала пробраться в кабинет «мужа» и одним глазком посмотреть на то самое важное письмо. Уж очень сильно ее волновал ответ Магистра. Всего лишь и нужно: одеться как Эрди, чепец на голову нацепить и мимо охраны прошмыгнуть. Глядишь, и не останутся. А в лавку со всякими волшебными штучками они на обратном пути заскочат. «А еще нужно купить мыла и какого-нибудь порошка для стирки. Здесь, наверное, и такой имеется».

Но ассортимент хозяйственных товаров Юлю не обрадовал. Кроме специальных амулетов, что сильно облегчали как жизнь, так и кошелек, остальное казалось убогим и доисторическим.

– Но как можно вот этим гладить? – Юля держала в руках скалку и узкую доску с вырезанными на ней зубцами. Тиль пожал плечами. Ясное дело, она никогда не задумывалась, как стирают и гладят ее наряды.

– Так все простенько, хозяин, – девчушка, лицо которой густо усеивали веснушки, ловко намотала кусок ткани на скалку, а потом несколько раз прокатала ее той самой доской с зубцами. – Видите, все гладенько и ладненько!

Юля взвесила скалку в руке.

– Берем, – решительно произнесла она. – А еще заверните вон того ситчика в цветочек.

– Зачем тебе? – Тиль сморщила нос. Уж больно вульгарно

выглядели цветочки.

– Занавески пошью, – Юлька в уме прикидывала, сколько метров взять. – В моей комнате висят мрачные, тяжелые, пыльные. А с беленькими будет веселей.

– С беленькими завсегда веселей, – улыбнулась девчонка, думая, что «пастушок» разговаривает с ней. И невольно прониклась к нему уважением. Хозяйственный. Занавески шить собирается.

Глава 15. Прозрение через боль

В крепость Юля возвращалась налегке. Купленные вещи подвез тот самый квалон, что встретился в самом начале пути. Узел оказался настолько тяжелым, что всадник, заметив, как горбатится Юлька, придержал коня.

– Давай подсоблю! – крикнул мужчина, похожий на мальчика. Светлые кудри обрамляли его бесхитростное лицо, а белозубая улыбка заставила улыбнуться в ответ. – Мне туда же, в поселок!

Квалон махнул рукой в сторону замка.

– И не вздумай! – прошипела Тень. – Не смотри на его маленький рост, квалоны очень сильные. Завезет неведомо куда...

– Спасибо, уважаемый, за предложение! Но я лошадей боюсь, – Юля не кривила душой. Видела лошадок только по телевизору, и теперь невольно попятилась, когда каурка потянулась к руке, в которой Юлька держала надкушенное яблоко.

– Давай тогда свой узел, я его у охраны на воротах оставлю. Да не бойся ты, здесь другой дороги нет, не убегу.

«А и правда, чего мне терять? Амулет для горячей воды? Так он у меня в кармане. А платья да башмаки стоят недорого. Вот разве что отрез ситца и бутыль с мыльным раствором поперет? Тогда да, обидно будет».

И отдала узел, вытащив из него предварительно пару-тройку амулетов, что посоветовала купить Тень.

– И корзину давай. Я ее здесь пристрою.

Юлька не удержалась, купила в овощной лавке кое-какие фрукты, чтобы расширить свой небогатый витаминами рацион.

– А зовут-то вас, уважаемый, как? – поинтересовалась она, протягивая плетенку из лозы.

Квалон ответил, но Юля не расслышала. Она ойкнула от неожиданности и уронила на землю яблоко, когда лошадка дотронулась до ее руки мягкими губами.

– Как? – Юля покосилась на хрустящую ее «обедом» корзину.

– Вжик!

– Вжик?! – Юля рассмеялась, вспомнив милого мультяшного героя. Если и испытывала она какие-то страхи, то теперь они точно развеялись. – Ой, извините! Это нервное.

Квалон в ответ улыбнулся, хотя наверняка не понял, что такое «нервное».

– Джулия, скажи ему, чтобы у Галло вещи оставил, – подсказала Тиль, провожая корзину глазами.

– А меня зовут...

– Я знаю, как тебя зовут! Наслышан! Приятно было познакомиться, Джулия! Довезу твой скарб в целостности и сохранности. А чтобы тебе было спокойнее, у самого главы охраны оставлю!

– Да, да, это и есть Галло, – подтвердила Тиль Грасси, не очень довольная тем, что Вжик называет жену милорда на «ты». Но что с него, простолюдина необразованного, возьмешь? Сверкай глазами – не сверкай, не увидит.

– Хорошо, Вжик! Спасибо!

И эта туда же. Радуется, отдав скарб в чужие руки.

– Ох, милая! Я думала, ты без меня уедешь, – Тень взяла юную родственницу под локоть. – Я ни за что на коня не забралась бы. Хотя в свое время преотлично гарцевала...

– Даже не думайте. Я своих не бросаю, – Юльке идти было легко. Хоть утро выдалось хлопотным, а ноги гудели, горная дорога к замку казалась прекрасной. Пели птицы, ветер трогал еловые ветви, и чудилось, что вечнозеленые красавицы надели треугольные платочки и, размахивая широкими юбками, пустились в пляс.

Густо пахло хвоей и... свободой.

– А я своя?

– Еще какая! Эх, надо было хотя бы грушу из корзины вытащить. Кушать страсть как хочется.

– Потерпи, недолго осталось.

– Бабушка, – Юля сорвала былинку и теперь вертела ее в руках, – а почему у вас такой отсталый мир? Даже у нас, на Земле, есть всякие машины и механизмы. А у вас и магов полно, и путешествуют они где только вздумается, но даже велосипед не изобрели. Могли бы в продвинутых мирах набраться знаний.

– А зачем нам чужие знания? Все, что нужно, мы имеем. Вон, Изегер рассказывал, дышать у вас на Земле нечем, природа вся попорченная, реки и озера с гнилой водой, а еще «Малышку» какую-то придумали, что во время войны города одним взрывом сносит, людей тысячами сжигает. Он как увидел, какое она творит безобразие, сразу в Агрид вернулся. Не надо нам такой жизни.

– Я не о плохих примерах говорю, а о тех достижениях, что жизнь облегчают, хозяйство помогают вести. Или урожай с полей убирать, – Юля кивнула в сторону оставшихся за спиной крестьянских угодий, где были видны фигурки работающих людей. – Выращивать зерновые культуры тоже можно прогрессивно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.